

Ackermann, Petr Alexandrowitsch Autor, vor dem Kriege Anwalt des Wilnaer Bezirksgerichts. Offizier des 2. Leib-Ulanen "Kurländischen" Regiments. Versetzung in den Stab der 1. Armee von General P.K.Rennenkampff. Stabsoffizier. "Kampfhandlungen der 1. Armee in Ostpreussen im Jahre 1914".//Zeitschrift "Stimme des Vergangenen", Nr. 9-10. September-Oktober 1917. Ss. 307-341

XX 92
3

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 9-10. Сентябрь-Октябрь 1917.

Но при всей своей осведомленности Охранка все же не была так уверена въ своихъ силахъ при охранѣ самодержавія: среди писемъ начальника Отдѣленія Мартынова, найдено одно, которое свидѣтельствуетъ о томъ, какъ близки мы были къ побѣдѣ въ 1905 г. ¹⁾

Охранка была всесильной, всезнающей и всемогущей. Она ловила и преслѣдовала всѣхъ, не считаясь ни съ поломъ, ни съ возрастомъ, ни съ положеніемъ и рангомъ. Ея организація была великолѣпна, поистинѣ какой-то гениальный маніакъ вложилъ въ нее свою душу.

И въ своей работѣ они бывали иногда даже провидцами, о чемъ свидѣтельствуетъ одна наша находка. Среди массы дѣлъ мы нашли тамъ послѣднее дѣло, послѣднюю обложку, которая заведо старая Охранка. Въ ней были письма и документы, помѣченные 26 и 27 февраля, а на обложкѣ значилось: «Послѣдніе дни стараго строя».

Такъ умерла блаженной памяти Охранка.

В. Жилинскій.

царь, царина и весь русскій дворъ, попеременно погруженные то въ дикія оргіи эксцессовъ, то доходящіе до степени безумія релігіознаго фанатизма, а Распутинъ, предвѣстель и наперстникъ царина.

Илюдоръ, изгнанный съ двора и очистившійся отъ двѣнадцатилѣтняго суевѣрія современной Россіи, согласился рассказать Америкѣ на страницахъ „Метрополитена“ возвышеніе Распутина отъ скромнаго сибирскаго мужика и до головокружительныхъ высотъ могущества, гдѣ царь былъ воскомъ въ искусныхъ рукахъ безцеремоннаго монаха.

Вы придете въ восторгъ отъ этого удивительнаго разсказа. Вы получите изъ первыхъ рукъ объясненія и причины изгнаний и изгидий совершающейся исторіи, и вы увидите Распутина, дергающаго пружику позадн трона, и Россію, по горло погруженную въ великую войну.

Начнется печататься въ ноябрѣ мѣсяцѣ ²⁾.

¹⁾ Письмо П. Мартынова помѣщено въ „Гол. Мин.“ № 7—8 за 1917 годъ. См. статью М. А. Осоргина „Декабрьское возстаніе 1905 г. въ Москвѣ въ описаніи жандарма“. *Ред.*

ВОЙНА и ОБЩЕСТВЕННОСТЬ.

Мѣсяць въ штабѣ арміи.

Дневникъ.¹⁾

Первое наступленіе въ Восточную Пруссію и отступленіе.

14 августа 1914 года. Инстербургъ.

Съ какой головокружительной быстротой развились событія! 8 июля 1914 г., завтракая проѣздомъ изъ отпуска въ Европейской гостиницѣ въ Варшавѣ, я былъ абсолютно чуждымъ всякимъ мыслямъ о возможности даже какихъ-либо мелкихъ политическихъ осложненій. А 12-го, ѣдучи, по службѣ изъ Вильно въ Дисненскій уѣздъ, уже почувствовалъ въ воздухѣ что-то тревожное. Въ ночь на 15-е, при возвращеніи моемъ въ Вильно черезъ Двинскъ, приготовленія военнаго характера—для меня были уже вполне ясны. Меня совершенно ошеломилъ крайне необычайный видъ петербургскаго вокзала ст. Двинскъ: масса офицеровъ, абсолютное отсутствіе мѣсть, суетня...

Единственное, что осталось неизмѣннымъ—это невниманіе желѣзнодорожнаго начальства къ публикѣ. Несомнѣнно, сознавая важность момента, чувствуя, что, быть можетъ, многихъ изъ садящихся въ поѣздъ обитателей лагеря они видятъ въ послѣдній разъ,—служащіе не пошевелили пальцемъ, чтобы предоставить ѣхавшимъ хотя бы малѣйшія удобства. Въ нужную минуту никого изъ нихъ, начиная отъ красной фуражки дежурнаго по станціи и кончая кондукторской бригадой,—не оказа-

¹⁾ Авторомъ настоящаго дневника является прокуроръ Виленскаго окружнаго суда П. А. Аккерманъ. Отправившійся добровольцемъ на войну, П. А. Аккерманъ былъ зачисленъ сначала во 2-й Лейбъ-курляндскій полкъ, но вскорѣ перечисленъ въ штабъ генерала Ренненкампа. Дневникъ, который велъ П. А. Аккерманъ, во время своей военной службы, распадается на 4 части: первая въ штабѣ арміи, въ штабѣ дивизіи, въ тылу и снова въ штабѣ дивизіи. Первую часть дневника, затрагивающую наступленіе Ренненкампа въ Восточную Пруссію, мы помѣщаемъ въ настоящей книжкѣ журнала.

Ред.

валося. Свою способность исчезать бесследно в моменты крайней потребности в их распоряжении они применили и тут.

Помню, как сейчас, рассказы о сборах в дорогу моего соседа—техника артиллерийской бригады. В передаче событий слышалось воодушевление, но и сбывалось оно слегка на порядки. Ничего, в смысле способов передвижения, не было усилено, почему чуть ли не весь лагерный скарб пришлось покинуть на произвол судьбы. Шла, если не ошибаюсь, 28-я бригада. Секретно было высочайше повелено к 15-му вефу быть на мфстах; 14 утром начались лихорадочно-поспешные сборы в район Двинского лагеря. К 3-м часам дня все было готово, и 15-го поезде, на котором Фхаль и я. должен был водворить военных в Ковно.

Как происходила мобилизация и передвижение войск округа, лучше всего иллюстрируется тем, что один из пехотных полков сдвигал почти кавалерийский переход из лагеря в Вильно. Говорили, что, для облегчения, по русскому обычаю, в пути снимали сапоги, шли, кто как горазд, но зато в город вступили «орлами»...

21 июля в мфстб моей службы собрались мы все, чтобы обмѣняться впечатлениями и поговорить о событиях. Тут же я высказал свое желание идти на войну. Многие отговаривали, при чем приводили весьма основательные доводы, что я уже покидой, отвык от лишней, устану, подорву здоровье... Я счел малодушием отказаться от уже окончательно созвѣвшей мысли, видѣл в возможных лишениях и ужасах то именно, что и считал существом жертвы, которую готовился посильно принести—и меня не разубѣдили. События развивались с быстротой головокружительной—чувствовалась мировая эпопея—да так оно и вышло. Настроение мѣшало заниматься дѣлом—впрочем его почти не было. Все взоры и всецѣло были обращены лишь на войну. Под влѣніем всего происходившаго стало казаться странным продолжать сидѣть дома спокойно и с комфортом, когда так недалеко льется кровь...

26-го утром я получил телеграмму от директора 11-го д-та о том, что мнѣ разрѣшенъ отпуск не на два мѣсяца, как я могъ предполагать в лучшемъ случаѣ, но на все время военных дѣйствій.

Наскоро одѣвшись, я отправился в домъ командующаго арміей (первой) и вручил депешу ст. адъютанту ген. Ренненкампа Г—ну. По докладу послѣдняго командующій арміей, не медля же сдѣлавъ распоряженіе о зачисленіи меня во 2-й Лейб-Курляндскій уланскій полкъ, а в 12 час. 19 минутъ по-

чи на 5 августа, нанутствуемъ самими горячими пожеланіями значительнаго числа собравшихся проводить генерала Ренненкампа, отошелъ изъ Вильно поезде, отвозившій всехъ насъ на дѣйствительный театръ войны.

Въ Вержболовѣ, куда мы прибыли рано утромъ 5-го, сразу поразила мой уже давно отвыкшій отъ всего военного и никогда не видѣвшій боевой обстановки глазъ—необычная картина. Насъ встрѣтили почти все бывшіе накануне участниками—в той или иной мѣрѣ—обстрѣла Вержболова.

Слѣды разрушенія были мало замѣтны, но зато бросилась въ глаза полная перемена вида вокзала. Куда дѣвалось обычное оживленіе этой большой пограничной станціи! Исчезъ буфетъ, испарилась совершенно наполнившие его и суетившіеся въ шумной толпѣ посыльщики и артельщики таможи. Ни одного штатскаго. Зато масса офицеровъ,—все въ полной боевой формѣ, съ совѣмъ особеннымъ выраженіемъ лица; низкіе чины; характерный говоръ на спеціальныя темы въ помѣщеніи буфета, обращенномъ въ офицерскую столовую, и на всемъ остальномъ протяженіи зданія станціи рядъ пустынныхъ залъ, готовыхъ подъ лазареты. Впрочемъ, оговариваюсь, готовыхъ лишь тѣмъ, что бывшія въ нихъ ранѣ вещи были или вынесены куда-то или нагромождены къ сторонѣ. Вездѣ шель, соръ, кучи какого-то тряпья, ящиковъ—словомъ, безпорядокъ большой...

Въ моментъ нашего прибытія шли бои за Эйдкуненюгъ. Слышалъ я о бывшей будто бы паникѣ, — охватившей двѣ нашихъ дивизіи, сосредоточенныхъ на узкихъ улицахъ Эйдкунена. Чей-то крикъ «ѣмцы» возымѣлъ печальное дѣйствіе на изнервничавшихся, съ непривычки еще, и крайне истомленныхъ непосильной работой первыхъ развѣдокъ и длиннѣйшихъ переходовъ кавалеристовъ. Въ результатѣ было немало пострадавшихъ...

Сдѣлавъ послѣ церемоніала встрѣчи командующаго быстро обходъ вокзальныхъ помѣщеній, я вернулся въ вагонъ. Во всемъ поезде кипѣла лихорадочная дѣятельность—все куда-то собирались; отдавались распоряженія выгружать автомобили. Словомъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что ген. Ренненкампа теперъ же намѣренъ ѣхать впередъ, къ войскамъ.

Оказалось совѣмъ не такъ. Свита порѣшила ѣхать осматривать Эйдкуненю, который, по рассказамъ, будто бы сильно пострадалъ. Одинъ изъ адъютантовъ—не помню который, съ видимою неохотой, предложилъ поѣхать и мнѣ. Я отказался, чему тотъ, видимо, очень обрадовался и заявилъ, что мнѣ, въ такомъ случаѣ, придется быть въ вагонѣ генерала, въ качествѣ дежурнаго ординарца. Я съ радостью согласился; ѣхать никуда не

хотѣлось, а было стремленіе только, возможно скорѣе, освоиться съ новымъ положеніемъ...

Вагоны быстро опустѣли. Но прошло часа два, и понемногу начали показываться возвращающіеся изъ Эйдкунена. Боже, Боже—чего только ни навезли они съ собой: и сигары, и вино, и матеріи, и металлическія издѣлія:—и самъ видѣлъ четыре массивныхъ съ украшеніями вазы подъ матовое серебро, а быть можетъ и серебряныя. Воцарилось оживленіе; путешественники, наперебой, рассказывали, какъ тотъ-то нашелъ погребъ старыхъ винъ и коньяковъ, тотъ-то открылъ складъ чудеснѣйшихъ сигаръ, третій отыскалъ удивительные шелка, четвертый закинулъ глазъ въ цѣлую сокровищницу отъѣннаго хрустали...

Между прочимъ, добрались и до таможеннаго пакгауза, сплошь наполненнаго выдѣланными шкурками, да еще какими: собольими, песцовыми и даже горностаевыми. Правда, поставили часовыхъ: рассказывали что, вообще «навели порядокъ» на городъ, подвергавшійся «страшному разграбленію нижними чинами»; но сколько-отихъ шкурокъ, предварительно, къ многимъ пришло!

Я самъ, встрѣтившись съ однимъ изъ лицъ, населившихъ нашъ поѣздъ, несшимъ нѣсколько шкурокъ въ рукѣ, услышалъ отъ него, приближительно, слѣдующее: «Моя жена, возвращавшаяся съ семьей изъ-за границы по объявленіи войны лишилась всего багажа; не лучше ли отдать эти шкурки губернантикѣ, у которой также пропали всѣ вещи»...

Но самое интересное было то, что одинъ изъ офицеровъ свиты вернулся изъ Эйдкунена на парѣ отличныхъ лошадей, запряженныхъ въ новехонькую коляску, сплошь нагруженную всякимъ добромъ. Въ частности и четыре вазы, о которыхъ я упоминалъ, также были вывезены его стараніями. Улегся первый шагъ, были втиснуты по вагонамъ какіе-то таинственные тюки и ящики, и я вышелъ на платформу. Присѣвъ въ раздумьѣ и, не скрою, довольно мрачномъ, на одну изъ скамей, я увидѣлъ быстро пролетающаго, настолько быстро, что едва успѣлъ вытянуться, начальника штаба, а затѣмъ, какъ изъ-подъ земли выросшаго передъ нимъ того самаго офицера, который умудрился пріѣхать въ коляскѣ. Всего разговора я не разсмышлялъ; доносились до меня фразы: «хорошо начало»; «вотъ такъ примѣръ», и въ заключеніе, «вы, подковникъ, мародеръ». И это было въ присутствіи нѣсколькихъ офицеровъ, нижнихъ чиновъ, толкавшихся по платформѣ, и даже при станціонныхъ жандармахъ. Получилось большое замѣнательство; кажется съ начальникомъ штаба объяснялся, затѣмъ, генералъ Б-скій—Б-скій, но что изъ этого вышло,

не знаю. Шли толки, что ген. М—та «оставили на мѣсто», «научили такту» и т. п.

На меня все происшедшее подѣйствовало, какъ ударъ грома...

Вечеромъ начался подвозъ раненыхъ въ бою, кажется, подъ Стадунененомъ.

Еще утромъ меня поразило полное отсутствіе на станціи и въ ея районѣ врачебнаго персонала, сестеръ милосердія, словомъ, всего того—что бы напоминало о наличности силъ для помощи раненымъ. И вотъ, когда послѣднихъ стали подвозить, въ больномъ количествѣ и безъ передышки—выяснилось, что этотъ вопросъ—въ зачаточномъ состояніи. Такъ и посыпались восклицанія недоумѣнія и неудовольствія:—да гдѣ же госпитали, а что же Красный Крестъ? Оказалось, что есть два или три—не помню,—полевыхъ госпиталей; стоятъ гдѣ-то, чуть ли не за пять верстъ отъ станціи, на путяхъ, и еще не развернулись.

Опять неволью закрался въ душу червь сомнѣнія...

Чуть ли не съ перваго дня, какъ Вильна стала ближнимъ галомъ, появилось множество, необычайно элегантныхъ молодыхъ и пожилыхъ людей въ красиво сшитыхъ, но строго выдержанныхъ, защитнаго цвѣта, одѣяніяхъ съ погонами чуть уже офицерскихъ, на которыхъ красовались все исключительно изящные и красивые вензели и знаки. Оказалось, что это уполномоченные различныхъ организацій и, притомъ, разныхъ ранговъ и степеней... И просто—и главно—и особо-уполномоченные, то и дѣло пролетали по улицамъ въ соответствующихъ имъ по стилю автомобиляхъ, особенно долго задерживавшихся передъ подъездомъ Георгіевской гостиницы, лучшей въ городѣ, гдѣ владѣльцы ихъ, обыкновенно, кушали, любя при этомъ посидѣть въ свое удовольствіе и безъ помѣхи. Всѣ они были веселы, въ глазахъ ихъ свѣтилась энергія и рѣшимость. Кажалось, они готовы, хоть сейчасъ, не только руководить, до полной потери силъ, помощью страждущимъ, но и лично броситься сокрушателя врага. И было бы съ чѣмъ, такъ какъ всѣ они были вооружены «до зубовъ», какъ писывалъ Куперъ. Начиная съ странно отпущенной шапки, огромнаго вистолета,—совѣмъ пулемета, и кончая компасомъ, картой, полевой сумкой и портнапирсомъ,—на плечевомъ ремнѣ,—все было на нихъ. Слѣдомъ за ними, прилетѣли рои воздушныхъ сестеръ милосердія, появились грузовики съ эмблемой краснаго креста; по городу завозили какіе-то ящики, отъ которыхъ пахло медикаментами и въ которыхъ чудились горами бинты и марля.

Сердце радовалось, глядя на то, какъ кипитъ всѣ эти пожертвованіе собой для высокаго дѣла облегченія страданій защитни-

камь родины. Все вселяло полную увѣренность въ томъ, что это кадръ и, разъ онъ такъ работаетъ,—что же дѣлается впереди...

И вдругъ—тамъ, гдѣ дѣйствительно, необходимы были эти врачи, сестры и даже, хотя бы, благоухающіе джентльмены, наполненные чайниками получить суточные и въ недалекомъ гридушемъ, придворное званіе,—не оказалось никого.

Возвращаюсь къ моимъ впечатлѣніямъ въ Веряболовѣ. Они болѣе ярки въ памяти относительно того, что произошло 6-го августа. Развернулся 313-й, насколько помню, подвижной госпиталь. Не было ни косякъ ни матрацовъ. Раненыхъ клали на солому, которая подвозилась окрестными крестьянами, поучаемыми къ тому особымъ нарядомъ изъ чиновъ полевого жандармскаго эскадрона. Составъ госпиталя, весьма малочисленный, работала сверхъ силъ, не покладая рукъ. Надо было слышать стоны и молебны раненыхъ, скорѣе снять ихъ съ тряски повозокъ и переѣхать загрязнившіяся, наскоро въ полѣ сдѣланныя,—перевязки! Врачи, санитары, сестры сбились съ ногъ. А между тѣмъ, число раненыхъ росло. Къ вечеру 6-го перестало уже хватать мѣсть. Во всѣхъ болѣе или менѣе пригодныхъ помѣщеніяхъ вокзала выросли самодѣльные палаты. Вездѣ стоялъ силюшней стонъ; не хватало самыхъ необходимыхъ медикаментовъ, бинтовъ, марли, не было посуды, изъ чего бы поить раненыхъ. Картина была полна ужаса и скорби.

Около 11 часовъ вечера привезли громадную новую партію раненыхъ. За неимѣніемъ готовыхъ помѣщеній, ихъ клали, вполвалку, на полу, въ проходахъ, коридорахъ. Я получилъ приказаніе оборудовать подъ палату одинъ, изъ таможенныхъ кажется, залъ и возможно скорѣе. При видѣ этого обширнаго, правда, помѣщенія, сначала руки опустились: такъ тамъ было темно, грязно, столько сору и хламу въ немъ было нагромождено. И тутъ-то ярко сказались участіе къ раненымъ. За уборку принялись сторожа, станціонные жандармы, ламповщики. Ихъ было немного, но зато какъ работали! Прошло менѣе получаса: все было выметено, вычищено, рухлядь убрана, внесены столы, натаскана солома, и появилось приличное, сравнительно, освѣщеніе, въ видѣ двухъ станціонныхъ ручныхъ фонарей, да нѣсколькихъ свѣчей, воткнутыхъ въ бутылки... Кромѣ ведра воды, которую приходилось подавать раненымъ изъ еле найденной гдѣ-то сломанной кружки—средствъ помощи имъ не было никакихъ... Не прошло двухъ часовъ, какъ новая палата переполнилась настолько, что пришлось снова таскать солому и класть второй рядъ раненыхъ—въ ногахъ у перваго. Между тѣмъ, врачевый персоналъ, сестры, медикаменты и перевязочныя средства отсутствовали.

Я обратился къ завѣдывающему санитарной частью. Посмотрѣвъ, онъ только рукой махнулъ: «помидуйте, неразбериха; прикажу сейчасъ принять палату въ свое вѣдѣніе 315-му военному подвижному госпиталю». Началось томительное ожиданіе помощи. Оказалось, госпиталь еще не развернулся. Пришлось утѣшать всеми средствами раненыхъ, изводившихся въ ожиданіи свѣжихъ перевязокъ... Все кругомъ стонало, кричало, молило... Время тянулось безконечно, пока, наконецъ, не появился составъ госпиталя. Прибыли два доктора, три или четыре сестры, санитары, принесшіе ящики съ медикаментами. Не могу не отмѣтить крайне характернаго явленія, которому трудно повѣрить, даже. Прежде всего явилась необходимость достать все нужное изъ аптечныхъ ящичковъ. Но всѣ попытки завѣдующаго аптекой подобрать къ нимъ ключи въ огромной связкѣ таковыхъ, оказывались тщетными. И это, несмотря на то, что нумерація замковъ съ нумерами ключей вполне совпадала. На мой вопросъ, провѣрялись ли замки въ мирное время, былъ полученъ отрицательный отвѣтъ, съ поясненіемъ, что провѣрка и вскрытіе аптечныхъ ящичковъ обусловлены столькими формальностями, напр. составленіемъ соотвѣствующихъ актовъ, осмотромъ цѣлой комиссіей и т. д., что это представлялось бы сопряженнымъ съ слишкомъ большими хлопотами... Въ концѣ концовъ дѣло наладилось и, несмотря на крайній недостатокъ такихъ примитивныхъ средствъ,—но существенно необходимыхъ,—какъ іодъ, вазелинъ, бѣлье (не хватало полотенецъ, халатовъ для врачевнаго персонала), и даже трудность добыть горячей воды—перевязки пошли относительно быстро. Когда, наконецъ, въ 7 час. утра, я отправился прилежъ—работа въ палатѣ кипѣла...

День 7 августа сильно врѣзался мнѣ въ память. Точно не помню часа; въ послѣобѣденное время я, находясь въ палатѣ, услышалъ вдругъ необычный шумъ, какъ бы отъ массы быстро мчавшихся повозокъ. Выйдя изъ помѣщенія, я подошелъ къ группѣ лицъ, стоявшей у одного изъ проходовъ, ведущихъ черезъ вокзалъ на перронъ съ нѣмецкими путями на Эйдкуненъ. Какъ сейчасъ помню въ этой группѣ коменданта главной квартиры, шт.-ротм. С-ва. Смотрю, выбѣгаетъ изъ помѣщенія вокзала съ заграничной стороны какой-то прапорщикъ, саперъ, кажется, и весь блѣдный, съ лицомъ искаженнымъ страхомъ, дрожащимъ голосомъ заявляетъ, что непріятель близко, напалъ на обозы, и что происходитъ общая паника и бѣгство. Хотя всѣ сохранили наружное спокойствіе, но было замѣтно, что каждому было не по себѣ. Я, сообразивъ, что мое мѣсто около командующаго, бросился къ поезду, но тамъ никого не оказалось. По свѣдѣніямъ,

всѣ, во главѣ съ командующимъ, побѣжали къ вокзалу. Вернувшись туда, я увидѣлъ ген. Ренненкампа, который направлялся къ шоссе. Здѣсь я засталъ картину не изъ приятныхъ; въ направленіи отъ Эйдкунена, въ полномъ безпорядкѣ, мчались наши обозы; повозки перегоняли другъ друга, или въ нѣсколько рядовъ; увѣщаній не слушались. Однако, все быстро стало входить въ норму. Ген. Ренненкампъ лично при мнѣ вернулъ 2 тяжелыхъ пушки, также повернувши было обратно. Немедля же побѣжали къ Эйдкунену возстановлявать порядокъ кн. Б.-Е. и комендантъ С—въ. Вскорѣ появились верхами полевые жандармы. Порядокъ былъ наведенъ быстро, чему, надо отдать справедливость, много способствовало личное спокойствіе командующаго. Онъ сошелъ съ шоссе, лишь когда все окончательно успокоилось. Вспомнилъ я, между прочимъ, слѣдующую сцену. Когда мы стояли на шоссе небольшой группой, подлетѣлъ казакъ и что-то доложилъ, кажется, командиру жандармскаго эскадрона подполк. Нер—му. На вопросъ генерала, въ чемъ дѣло, было доложено, что казакъ передаетъ, что нѣмцы близко. Генералъ при мнѣ отдалъ распоряженіе казака взять и разстрѣлять. Вѣроятно, къ вечеру оттянули приведеніе этого приказанія въ исполненіе, а ночью казакъ бѣжалъ. Такъ по крайней мѣрѣ, я слышалъ...

А между тѣмъ «шымъ былъ не безъ огня», и казакъ, пожалуй, былъ правъ въ своемъ докладѣ. Выяснилось, что нѣмецкая кавалерія напала на наши обозы, сосредоточившіеся въ Пилкаленѣ (верстѣ пятьдесятъ отъ Вержболова на сѣверо-западъ) и много тамъ надѣлала бѣдъ: сожгла, между прочимъ, наши санитарныя повозки, забрала въ плѣнъ отрядъ врачей и сестеръ, одна изъ которыхъ, въ завязавшейся затѣмъ у нѣмцевъ перестрѣлкѣ съ казаками, была ранена. Часть же неприятельской конницы (6, кажется, эскадроновъ при 4 орудіяхъ, прорвалась ближе и очутилась въ м. Бильдерветченѣ (верстахъ въ 6 отъ Вержболова), откуда, при желаніи, свободно могла подвергнуть обстрѣлу расположеніе штаба арміи. Почему этого не случилось—не знаю; нѣмцы не то испугались, что зарвались, и ушли, не то не рѣшились проявить личной инициативы. Слава Богу, что обошлось такъ, а то представить себѣ трудно,—что бы было въ Вержболовѣ.

Я уже говорилъ о сравнительно незначительныхъ поврежденіяхъ, въ результатѣ обстрѣла Вержболова. При попыткахъ нѣмцевъ—въ первые дни, 2-го и 4-го августа—продвинуться,—отъ ихъ артиллеріи пострадали какъ частныя, такъ и казенныя зданія,—немного вокзалъ, водокачка и т. д. Зато Эйдкунену здорово

досталось. Масса домовъ представляла груды почти обгорѣвшихъ развалинъ. Были все-таки и дома, уцѣлѣвшіе снаружи. Поджоги, сравнительно быстро, прекратили и поставили охрану. Такія зданія не производили впечатлѣнія того, что городъ былъ мѣстомъ ожесточеннаго боя. Но зато—внутри что было! Это могло бы послужить нагляднымъ примѣромъ для изученія мѣстъ потерѣвшихъ отъ разбоя. Квартиры являли картины полного разгрома, точно послѣ сильнаго разбойнаго нападенія. При входѣ получалось уже полное впечатлѣніе и мелькала мысль, въ какой же комнатѣ окажутся изрубленные трупы обывателей? Были замѣтны слѣды безмысленнаго грабежа и даже пьянаго озорства, въ видѣ изуродованныхъ тупыми орудіями богатыхъ книжныхъ шкафовъ, поломанныхъ роялей и пианчо. Разумѣется, хозяйскіе запасы вездѣ пострадали: въ каждой квартирѣ можно было видѣть прежде всего значительное количество пустыхъ бутылокъ (винныхъ конечно); валялись, затѣмъ, разбитыя банки съ вареньемъ, коробки отъ печенія, всякія соленья и т. п. Было почти ясно, что въ началѣ городъ подвергся открытому разграбленію. Затѣмъ, съ пріѣздомъ генерала Ренненкампа и принятіемъ мѣръ противъ грабежа,—все перешло во внутрь. Я заходилъ, на примѣръ, въ дома, гдѣ за цѣлыми стеклами оконъ, уютно задернутыхъ занавѣсками и уставленныхъ цвѣтами, поражала внутри картина полного разгрома. Было чѣмъ и пользоваться: Эйдкуненъ, даже въ разоренномъ видѣ, нельзя было и сравнивать съ его ближайшимъ сосѣдомъ Вержболовымъ. Отличные магазины, дома, даже виллы—все свидѣтельствовало о богатствѣ города. И это подтверждалось не только комфортомъ, но и претензіей на роскошь обстановки квартиръ, которыми мнѣ привелось видѣть въ первое и единственное мое посѣщеніе Эйдкунена. Прекратившіеся было, съ водвореніемъ штаба арміи въ Вержболовѣ, пожары и безобразія въ Эйдкуненѣ, затѣмъ, когда штабъ переѣхалъ въ Интербургъ, возобновились, и въ ту минуту, какъ я пишу,—Эйдкуненъ представляетъ собой лишь груды развалинъ.

Тутъ будетъ умѣстно сказать два слова о мародерствѣ. Я убѣжденъ, что, не будь примѣнены мѣры строгости, соблазнъ цѣлости Эйдкунена оказалъ бы свою долю вліянія на движеніе впередъ частей и, особенно, обозовъ,—этого желудка арміи. Но въ то же время беретъ сомнѣніе—было ли все систематично, и, главное, справедливо. За мародерство вѣшали, разстрѣливали и поролли, причѣмъ жестоко—по 100—200 ударовъ: для слабаго организма почти смерть, да еще и мучительная. Прежде всего, лѣзутъ въ голову воспоминанія о первыхъ впечатлѣніяхъ въ Верж-

боловъ: а примѣръ хорошъ? думается невольно, и затѣмъ, что особенно больно, начинаеть казаться, что наказаніе терпѣли и не по винѣ. Я былъ, напримѣръ, очевидцемъ слѣдующаго случая. Комендантъ С—въ остановилъ нижняго чина съ унтеръ-офицерскими нашивками, несшаго подъ мышкой очень небольшой свертокъ бѣлья—помятаго и средней чистоты—я это разглядѣлъ въ теченіе всей сцены очень внимательно.—и въ рукѣ эмалированный кувшинъ, стоимостью не болѣе, какъ копейка въ 60. Солдатъ направлялся, нисколько не скрывая ноши, по путямъ къ вокзалу, гдѣ, какъ онъ не могъ не знать, начальства находилось, сколько угодно. Было совершенно очевидно, что свою ношу онъ забралъ гдѣ-нибудь валявшейся на улицѣ въ Эйдкуненѣ,—а всякаго добра тамъ было раскидано много— и считалъ себя, по совѣсти, въ правѣ это слѣвать. На него посыпался градъ ударовъ и угрозы смертью. Слава Богу, какъ я узналъ потомъ, онъ отдѣлался тѣлеснымъ наказаніемъ, но за что, въ сущности? Другой случай. Среди разстрѣлянныхъ былъ нижній чинъ, о сохраненіи жизни которому, по рассказамъ, настойчиво и неоднократно просило его начальство. За время всей службы, солдатъ этотъ отличался не только безукоризненнымъ поведеніемъ, но и способностями настолько, что получилъ ефрейтора и былъ, вообще, на блестящемъ счету. Ничего не помогло. Я бы такого отпраздновалъ впередъ на позиціи: умеръ бы съ честью и принесъ бы, можетъ, пользу. А пока однихъ разстрѣливали, другіе пили вино, найденное въ громадномъ количествѣ и въ складахъ, и въ частныхъ погребахъ, курили сигары и слали женамъ въ тылъ мѣха и шелка! Денщики и нижніе чины частей, расположенныхъ въ Вержболонѣ, настолько свободно пили вино, что къ тому времени, какъ таковое, наконецъ, попало, частью, на нужды Краснаго Креста, всё отлично поняли въ немъ вкусъ. Не одобряли, впрочемъ, шампанскаго;—говорили, что пьютъ его ежедневно, а тонкости не видятъ: «точно лимонадъ какой-то»...

13-го августа двинулся нашъ обозъ. Ночи на 14-е и 15-е, уже въ Инстербургѣ, куда мы прѣехали въ автомобиляхъ, пришлось провести по-походному. Первое впечатлѣніе отъ Инстербурга было трагическаго свойства. Отступая спѣшно за Инстербургъ, нѣмцы сожгли мосты по дорогѣ Гумбиненъ—Инстербургъ; это обстоятельство задержало командующаго въ пути, такъ какъ только при немъ саперы окончили наведеніе временнаго моста, по которому первыми и пошли наши автомобили. Кромѣ того, въ самомъ Инстербургѣ нѣмцами были испорчены водокачка, весьма сложнаго устройства, и электрическая станція.

По пути въ Инстербургъ командующаго почему-то встрѣтила въ Гумбиненѣ депутація на площади передъ киркой. Какой-то нѣмецъ почтеннаго вида,—можетъ глава города, стоя передъ столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью съ поставленными на немъ бутылкой бенедиктина и сотней сигаръ въ коробкѣ, произнесъ рѣчь, изъ которой я ничего не понялъ. Любопытныхъ была очень небольшая кучка, хотя и въ Сталупененѣ и въ Гумбиненѣ были жители, и слѣдовъ разрушенія особыхъ не замѣчалось. Магазины конечно, пострадали. Любопытно было то, что когда стали сильно и строго преслѣдовать за мародерство, практиковавшіе таковое стали прибѣгать къ слѣдующему способу: забирались въ магазинъ со двора и обирали и разрушали все дочиста; витрины же, съ выставленными въ нихъ вещами, оставались цѣлехоньки и въ полномъ порядкѣ.

Штабъ командующаго размѣстился въ Инстербургѣ, въ обширномъ зданіи гостиницы «Dessauer Hof». Съѣли сквернѣйшій обѣдъ и записи его, хоть нѣмецкимъ, но на вкусъ весьма плохимъ пивомъ, послѣ чего я пошелъ бродить по городу. Очень красиво и благоустроено, масса зелени. Отличныя постройки, особенно ласкаеть глазъ масса изящнѣйшихъ особняковъ по улицѣ, на которой мы живемъ. Кое-какіе магазины открыты; цѣны не дешевы, но многіе купцы, видимо, выѣхали. Вообще, городъ кажется будто вымершимъ, хотя чувствуется, что это только извнѣ. За наглухо спущенными шторами и даже желѣзными рѣшетчатыми жалюзи есть жизнь. Удивительно свойство нашихъ солдатъ приспособляться. Обойдя нѣсколько улицъ, я повернулъ къ гостиницѣ и, не доходя дома два-три, увидѣлъ слѣдующую сцену: у воротъ одного изъ особняковъ стояли двѣ женщины и съ ними, оживленно разговаривая, нашъ солдатъ; на рукахъ у него хохоталъ маленький, лѣтъ 3-хъ, типичный нѣмецикъ, котораго солдатъ, то и дѣло, подбрасывалъ кверху. Я подумалъ, что вѣрно изъ нѣмцевъ, но, подойдя вплотную, убѣдился въ томъ, что солдатъ знаетъ по-нѣмецки только слово «gut», которое и повторяеть на всѣ лады. Засыпая вечеромъ, рѣшилъ, съ завтрашняго дня записывать всё впечатлѣнія, по мѣрѣ возможности, ежедневно.

15 августа. Наканунѣ генералъ Ренненкампфъ, сильно раздраженный отсутствіемъ воды и свѣта, приказалъ назначенному военной властью губернаторомъ города мѣстному жителю доктору «Bierfreund'у», (другъ пива)—фамилія удивительная, принять экстренныя мѣры, чтобы было то и другое. вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало распоряженіе коменданту, шт.-ротм. С—ву, на блюсти за тѣмъ, чтобы на слѣдующій день, т.-е. сегодня, попытаться привести въ дѣйствіе городскую водокачку. Должно быть

приказаніе было строгое и сопровождалось дѣйствительными угрозами, ибо губернаторъ очень засуетился. Утромъ сегодня шли разговоры, что въ городѣ нашлись рабочіе-спеціалисты техники и даже два инженера. Все это было доложено генералу, послѣ чего комендантъ, въ сопровожденіи губернатора, инженеровъ, рабочихъ и двухъ-трехъ нижнихъ чиновъ отправились на водокачку. Я, получивъ приказаніе съѣздить въ Вержболово къ дежурному генералу, который еще оставался тамъ съ частью штаба, пошелъ въ автомобильную роту потребовать себѣ машину. Прошло около часу, пока я отыскалъ и дошелъ до помѣщенія роты, какъ вдругъ слышу звукъ не то взрыва, не то близкаго орудійнаго выстрѣла. Возвращаюсь домой и перваго, кого вижу, ординарца гр. Р—ра, на которомъ, замѣчаю, положительно лица нѣтъ. Узнаю отъ него, что на водокачкѣ произошелъ взрывъ, коимъ убито 7 нѣмцевъ, нашъ доброволецъ, только что прѣхавшій на войну, и тяжело ранены часовой и шт.-ротм. С—ва.

Около часу дня привезли С—ва. Видъ его былъ ужасен: лицо сплошь обожжено, ноги, голова и руки покрыты рваными зияющими ранами; три пальца правой руки были оторваны. Послѣ операціи и перевязки хирурги-нѣмцы пришли къ заключенію, что кости совершенно цѣлы и, если не произойдетъ зараженія крови, С—въ относительно быстро поправится; но къ строю вѣроятно, пригоденъ уже не будетъ. Командующій страшно разволновался и разсердился. Бирфрейндъ и 6 заложниковъ изъ видныхъ гражданъ города висѣли на волоскѣ. Но, видимо, дознаніе, тутъ же произведенное, не дало данныхъ для такихъ позорѣній. Наоборотъ, выяснилось, будто бы С—въ сталъ жертвой собственной неосторожности. Руководившій работой инженеръ предупредилъ присутствовавшихъ, что пустить машину въ ходъ будетъ и трудно и опасно, почему просилъ придерживаться во всемъ исключительно его указаній. С—въ же не вытерпѣлъ и открылъ какой-то кранъ, безъ всякой къ тому надобности. Прошедшее, видимо, сильно отразилось на нервной системѣ почтеннаго губернатора. Я видѣлъ его спустя часа три послѣ несчастья, когда все успокоилось. Явившись къ гостиницѣ, Бирфрейндъ сталъ страшно кричать на кого-то, сильно притомъ жестикулируя.

Вечеромъ я замѣтилъ въ вестибюлѣ гостиницы между двумя часовыми нѣмца въ формѣ лѣсничаго. Весь его обликъ свидѣтельствовалъ о томъ, что это военный. Узналъ, что его задержали гдѣ-то на границѣ Сувалкской губерніи части отряда генерала Гурко, который затѣмъ прислалъ его въ штабъ арміи. Здоровенный, красивый, хоть и пожилой, нѣмецъ сидѣлъ, какъ каменное изваяніе. Затѣмъ его куда-то увели.

16 августа. Это былъ тяжелый день для всѣхъ и для меня особенно. Часовъ въ 11 утра я получилъ приказаніе отъ подполковника М—ва распорядиться доставить къ генералу Ранненкамифу приведеннаго наканунѣ нѣмца-лѣсничаго. Въ часъ дня онъ предсталъ передъ командующимъ, и я присутствовалъ при опросѣ его лично генераломъ Ранненкамифомъ. Нѣмецъ отвѣтилъ на всѣ вопросы о томъ, гдѣ, нѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ былъ задержанъ—весьма спокойно и толково. Генераль, находясь, видимо, въ крайне раздраженномъ состояніи, разразился упреками, впрочемъ справедливыми, что нѣмцы ведутъ войну «собачьимъ» способомъ, стрѣляютъ разрывными пулями—чего можно было бы ожидать отъ какого-либо дикаго африканскаго племени, а не отъ народа, претендующаго на высокую культуру. Услыхавъ затѣмъ отъ нѣмца, что онъ запасной офицеръ и имѣлъ право на ношеніе оружія по службѣ лѣсничаго, генераль Ранненкамифъ, видимо окончательно выйдя изъ себя, крикнулъ, что намѣренъ за нѣмецкіе способы веденія войны всѣхъ разстрѣливать, и что его, перваго, постигнетъ та же участь. Возраженія лѣсничаго, что онъ не знаетъ за собой рѣшительно никакой вины, и что разстрѣлъ его будетъ убійствомъ—только раздражили генерала. Опросъ на этомъ кончился, и мнѣ было приказано передать распоряженіе командующаго—разстрѣлять лѣсничаго черезъ полчаса. Я знаю, что были попытки смягчить участь нѣмца, но все было безрезультатно. Спустя часъ, нѣмецъ былъ разстрѣлянъ. Присутствовавшіе при исполненіи казни рассказывали, затѣмъ, что онъ принялъ смерть, какъ герой: отказался стать спиной къ взводу и не позволилъ завязать глаза. Послѣднія слова его были слѣдующія: «я виноватъ такъ же, какъ трое моихъ малыхъ дѣтей: пусть моя неповинная кровь падетъ на погибель Россіи; это убійство!». По моему сужденію—въ данномъ случаѣ было мало основаній для примѣненія разстрѣла, по крайней мѣрѣ по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Быть можетъ, генераль Р. руководился иными внутренними соображеніями. Говорили напримѣръ, что на обязанности лѣсничихъ—запасныхъ офицеровъ—было начальствовать отрядами ландштурма, предназначенными спеціально, чтобы ловить и разстрѣливать наши разъѣзды, одиночныхъ посланныхъ и т. п. Если это такъ, лѣсничій, разумѣется, заслужилъ того возмездія, которое получилъ...

17 августа. Мы остаемся въ Инстербургѣ. И, быть можетъ, не такъ ужъ скоро покинемъ этотъ крайне непріятный городъ. Особенно угнетающе дѣйствуетъ все то же отсутствіе воды и свѣта. Служу у себя въ комнатѣ совершенно одинъ; до обѣда времени много; увѣренъ, что никто не помѣшаетъ и рѣшилъ, что насталъ мо-

несоотвѣтствіи по моему мнѣнію коменданта занимаемой имъ должности, въ виду его нерѣшительности и задатковъ мирволить населенію. Генераль остался какъ будто недоволенъ моимъ докладомъ. Хотя онъ и высказался за необходимость наложить на Тильзитъ хорошую контрибуцію, но, въ то же время замѣтилъ мнѣ, что «впечатлѣній мало, а нужны факты!» Опять повторяю— не умѣемъ мы себя держать побѣдителями: все чего-то конфузимся!

За послѣднее время, какъ коренныхъ,—состоящихъ при командующемъ, такъ и всю компанію разныхъ толкущихся «у солища», въ чайнии получше устроиться,—офицеровъ охватила какая-то лихорадка стремленій «отличиться». Только и разговоровъ—что о наградахъ—кому что нужно, кто чего хочетъ добиться! Слышны заявленія вродѣ того: «мнѣ надо еще два солдатскихъ Георгія (1 и 2 степени) и Владиміра съ мечами; тогда я успокоюсь!», или: «я непременно добьюсь всего вплоть до золотого оружія!» Меня даже разозлило второе заявленіе и потому, что говорившій такъ былъ штатскимъ, достаточно пожилымъ, и мнѣ казалось,—что ему естественнѣе всего будетъ, окончивъ добровольное пребываніе на войнѣ, вновь мирно облачиться въ шиджакъ. На мой вопросъ—къ чему ему нужны награды и золотое оружіе особенно, я получилъ доподлинно слѣдующій отвѣтъ: «эти украшенія дѣвушки очень любятъ; къ тому же пріятно, получивъ Георгія 2-ой степени, сохранить форму полка,—всегда быть гусаромъ!» И это все говорилось человѣкомъ въ возрастѣ 56 лѣтъ! Я не повѣрилъ его искренности и думаю другое: ему, какъ человѣку, безъ опредѣленнаго положенія служебнаго, да насколько знаю и въ обществѣ, просто, вѣроятно, необходима такая внѣшняя оболочка, которая бы открыла ему всюду широкій доступъ. Цѣли же проникнуть всюду многообразны—ну скажемъ хотя бы при занятіяхъ крупными комиссіонными дѣлами. Тутъ не можетъ не имѣть существеннаго значенія—шиджакъ ли на человѣкѣ или доломанъ, съ развѣшанными на немъ боевыми отличіями, а на боку золотая сабля, съ георгіевскимъ темлякомъ.

Вчерашній день оставилъ по себѣ одно непріятное воспоминаніе. Произошло безобразіе въ ресторанѣ. Напилась цѣлая компанія, кутили съ кельнершами, шумѣли и наскандалили. Въ сущности, какая мерзость! Точно мы живемъ въ Вильнѣ, въ мирное время. Мало кто думаетъ о томъ, что переживаемое время составить исключительныя страницы исторіи, которая современемъ будетъ читаться, даже изучаться и какъ еще!

27 августа. Коснусь, въ нѣсколькихъ словахъ, условій, въ которыхъ работаетъ генераль, насколько, конечно, могъ наблюдать. Не легко мнѣ, чуждому совершенно всякихъ военныхъ порядковъ—создать себѣ, въ этомъ отношеніи, опредѣленное и, главное, вѣрное представленіе. Основываюсь на впечатлѣніяхъ отъ лицъ окружающихъ его, но лицъ не свиты, а дѣловыхъ. Изъ нихъ наиболѣе значительнымъ и ближайшимъ сотрудникомъ является начальникъ штаба. Такъ по крайней мѣрѣ, думаю я, должно быть. Еще въ Вильнѣ приходилось слышать, что, и въ мирное время, работа въ штабѣ округа шла не такъ, какъ слѣдовало бы. Говорили, что генераль М. очень умный, дѣльный и рѣшительный человѣкъ, но тяжелаго характера и что, будто бы, взгляды его сильно расходятся съ таковыми командующаго. Словомъ, взаимоотношенія этихъ двухъ лицъ, стоявшихъ во главѣ округа заставляли, будто бы, желать много лучшаго. Проскальзываетъ впечатлѣніе, будто, въ иныхъ случаяхъ, генераль М. отстаиваетъ взгляды, прямо противорѣчащія мнѣнію генерала, по тому или иному вопросу. Оба рѣшительны, воля обоихъ сильна—не знаю, кто всѣмъ управляетъ, но страшно, какъ бы разногласіе между двумя этими главными двигателями не отразилось на усѣхахъ операцій нашей арміи. Мое мнѣніе таково, что генераль положилъ себѣ за основное правило—мало считаться съ штабомъ, и все дѣлается, какъ онъ хочетъ, причемъ, однако, разумѣется, соблюдается внѣшній декорумъ. Слѣдующими ближайшими сотрудниками генерала должно, по-моему, считать дежурнаго генерала К. и генераль квартирмейстера Б. Оба они чрезвычайно почтенные и симпатичные люди; отъ нихъ благотворно вѣетъ тѣмъ воспитаніемъ, котораго во многихъ здѣсь ощущается острый недостатокъ. Но... ни того ни другаго я почти никогда не видѣлъ у генерала. Генераль Б., въ частности, вообще совершенно не показывается. Въ Вержболовъ дни и ночи обложенный картами и депешами, просиживалъ онъ въ вагонѣ, а тутъ не выходитъ изъ своей комнаты. Разъ только я видѣлъ его у входа въ апартаменты командующаго и совершенно искренно удивился. Генерала К., правда, больше видно. Онъ ежедневно обѣдаетъ за столомъ командующаго, но всегда садится гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и притомъ не въ одно время съ генераломъ. Рѣдко, когда увидишь ихъ разговаривающими. Даже живетъ онъ отдѣльно, въ другой гостиницѣ, правда недалеко отъ штаба. Наконецъ, третій, непосредственно работающій при генералѣ—начальникъ этапно-хозяйственнаго отдѣла генераль Я. живетъ совершенно обособленно; видѣть его приходилось рѣдко, выслушивающимъ краткія, отрывистыя приказанія командующаго. Чувствуется и

ментъ посвятить нѣсколько строкъ описанію внутренней жизни въ нашемъ штабѣ. Замѣтилъ, прежде всего, что взаимоотношенія между генераломъ и начальникомъ штаба кореннымъ образомъ отражаются на укладѣ жизни командующаго съ его свитой съ одной и офицеровъ генеральнаго штаба съ другой стороны. Долженъ сказать, насколько послѣдніе держатъ себя корректно, настолько нѣкоторые изъ окружающихъ генерала ведутъ себя по отношенію къ штабу надменно и, пожалуй, вызывающе. Мнѣ неоднократно приходится слышать критическія замѣчанія офицеровъ штаба, моихъ добрыхъ знакомыхъ еще по Вильнѣ, по адресу свиты и атмосферы, окружающихъ командующаго. Даже ѣхать отдѣльно: командующій со свитой ѣдетъ и завтракаетъ на крытой стеклянной верандѣ гостиницы (благо тепло), а штабъ питается въ столовой, оборудованной въ одной изъ залъ ресторана. Мнѣ все это кажется дикимъ и скорѣе вреднымъ для дѣла. Атмосфера же вокругъ генерала также не изъ тѣхъ, которымъ бы я сочувствовалъ. На слѣдующій же или черезъ день послѣ нашего водворенія въ гостиницѣ, я, выйдя изъ комнаты утромъ въ коридоръ, замѣтилъ, къ крайнему своему удивленію, наличность женской прислуги. Пройдя внизъ, я убѣдился въ томъ, что сея не мало. Итакъ, по остроумной ли инициативѣ хозяина гостиницы, или, быть можетъ, по указанію кого-либо изъ специалистовъ въ женскомъ вопросѣ—появилось нѣкоторое количество дѣвицъ, исключительно молоденькихъ и все весьма милостивыхъ. Я думаю, не буду далеко отъ истины, если скажу, что, какъ горничныя, онѣ были очень плохи, и почти убѣжденъ, что такого рода службу имъ пришлось нести впервые. Вѣрнѣе, ихъ взяли, по набору и съ выборомъ изъ различныхъ мастерскихъ: бѣлошейныхъ, отъ портнихъ и т. п. Вѣдь этого рода работа, вѣроятно, почти прекратилась въ городѣ. Непосредственно вслѣдъ за появленіемъ этого элемента по всему зданію гостиницы пошли разговоры: пикантно-фривольный обменъ впечатлѣній и изложеніе разныхъ ощущений въ устахъ однихъ и слово осужденія у другихъ. Нѣтъ надобности и говорить, я думаю, что штабные остались при денщикахъ, а услугами горничныхъ, и притомъ самыми разнообразными, пользовалась исключительно свита генерала, причѣмъ, какъ говорили, не только низшіе—молодые, но и люди болѣе высокаго чина и почтеннаго возраста. Но меня этотъ новый укладъ жизни произвелъ удручающее впечатлѣніе. Я не скрою, считалъ это и легкомысліемъ и распушенностью, совершенно несомвѣстимыми съ серьезностью переживаемаго момента. Побѣды побѣдами, шествіе съ триумфомъ по непріятельской странѣ само по себѣ, но война и необходимость, по моему сужденію, быть начеку все же

налицо. И вотъ начались таинственныя шмыганія по коридорамъ, просьбы не заходить и не стучать въ тотъ или другой номеръ въ такомъ-то часу, смущенные отвѣты на стукъ въ дверь, что войти нельзя, и заглушенный звонкій смѣхъ за дверью. Не могу не сказать, что все это было, въ достаточной мѣрѣ противно. Двери въ отдѣльный апартаментъ командующаго оставались всегда закрытыми, открываясь только при выходахъ его ѣздить и на прогулки. Но не могъ онъ не знать о происходившемъ, и то, что онъ все это допускалъ, я объясняю вліяніемъ окружающихъ, во многомъ недостаточно понявшихъ долгъ и вѣрное исполненіе легшихъ на нихъ отвѣтственныхъ обязанностей. Дружба сдѣлала много плохого генералу. Это мое твердое убѣжденіе! Далѣе моя наблюдательность, выработанная жизнью и родомъ службы, привела къ тому, что я замѣтилъ появленіе нѣсколькихъ новыхъ лицъ—штатскихъ, видимо вошедшихъ въ составъ администраціи гостиницы. Послѣднее обстоятельство, на томъ простомъ основаніи, что много приходилось слышать о превосходной постановкѣ нѣмцами дѣла шпионажа, мнѣ также крайне не нравилось. И вотъ, какъ мнѣ рассказывали, произошелъ, между прочимъ, слѣдующій случай. Хозяинъ гостиницы, вѣроятно оказавъ передъ тѣмъ услуги одному лицу изъ свиты генерала, обратился къ нему съ просьбой разрѣшить нѣкоему нѣмцу, котораго онъ рекомендовалъ, какъ управляющаго—что ли, свободный доступъ во всѣ помѣщенія гостиницы. Просимое разрѣшеніе было дано этому субъекту и, притомъ, именовъ командующаго арміей.

Получивъ разрѣшеніе, этотъ типъ сталъ появляться всѣхъ и всюду. Я самъ видѣлъ его неоднократно толкавшимся по коридорамъ во всѣхъ этажахъ и въ вестибюлѣ и въ ресторанахъ. Между тѣмъ, въ развѣдывательномъ отдѣленіи получились свѣдѣнія, что управляющій (быть можетъ онъ никогда и не былъ имъ), шпионъ. Послѣ этого субъектъ исчезъ. Что съ нимъ сдѣлали, не знаю. Не знаю также, вѣрить ли происшедшему. Постараюсь въ будущемъ узнать какія-либо данныя или подтверждающія или опровергающія сообщенныя мнѣ описанный фактъ...

Мало того, что женскій элементъ появился въ коридорахъ въ качествѣ горничныхъ; вечеромъ я замѣтилъ прислужницъ въ ресторанахъ. Все это кончится плохимъ...

Что касается установившихся въ свитѣ генерала отношеній, таковыя, опредѣлившись, также стали мнѣ очень не по душѣ. Невидными нитями стали опутывать всю компанію интриги. Тутъ, вѣроятно, было все: и желаніе занять возможно первенствующее положеніе у генерала, и стремленіе къ наградамъ, и способность сдѣять раздоръ и, наконецъ, у нѣкоторыхъ, какъ я въ

томъ убѣдился, просто плодъ извѣстнаго направленія ума «l'esprit de l'intrigue»,—какъ говорятъ французы.

Слѣдуетъ сказать еще два слова объ отношеніи къ населенію, директивахъ на этотъ предметъ начальства и отношеніи населенія къ намъ. Не помню точно, въ Вержболовѣ ли еще, или уже по прїѣздѣ въ Инстербургъ, генераль Ренненкампфъ объявилъ въ широко распространенныхъ прокламаціяхъ, что мы воюемъ не съ мирнымъ населеніемъ, а съ германскими регулярными войсками, почему населеніе приглашается оставаться на мѣстахъ, предаваться мирному труду, а при желаніи можетъ переселяться; что всякія обиды, причиненныя нашими войсками жителямъ, будутъ строго караться, что за все будетъ уплачиваться и т. п. Приблизительно таково было содержаніе объявленій. Въ результатѣ, первоначально было покинувшее жилища населеніе стало возвращаться. Той же гуманностью—не знаю только, насколько она въ такой мѣрѣ полезна для успѣха во время войны,—отличался генераль и въ отношеніи городского населенія. Понемногу пооткрывались въ Инстербургѣ магазины, поприподнялись ранѣе глухо спущенныя шторы на окнахъ квартиръ, на улицахъ появились прохожіе. Давно вѣрно инстербургскіе купцы не торговали такъ бойко. Все бралось на-расхватъ, и цѣны были далеко не низкія. Нѣмцы извлекли пользу и для отсутствовавшихъ торговцевъ. По распоряженію губернатора были открыты магазины безъ хозяевъ. Туда посадили продавцовъ—вѣроятно многихъ изъ тѣхъ, что служили въ нихъ ранѣе,—и послѣдніе торговали, подъ наблюденіемъ городской милиціи, взимая цѣны, установленныя, кажется, городомъ. Видно было, гуляя по городу, что особыхъ лишений или недостатка жители ни въ чемъ не испытывали. Развѣ только, судя по большимъ очередямъ передъ входами въ сапожные магазины, можно было заключить, что вопросъ обуви обстоитъ не вполне удовлетворительно. Итакъ, населеніе относительно благоденствовало, а съ позицій нѣтъ нѣтъ да и привозили слухи о томъ, что жители широко практикуютъ шпионажъ и всѣми мѣрами оказываютъ содѣйствіе своимъ. Особенно поражала меня планомѣрность линий пожаровъ. Шли усиленные разговоры, что поджигаютъ съ спеціальной цѣлью указать своимъ, гдѣ и какъ двигаются наши войска...

18—21 августа. Часовъ въ пять дня 18-го мнѣ было передано распоряженіе везти пакеты отъ штаба. Получивъ порученіе, я серьезно смутился. Не то, чтобы изъ опасенія риска: я ни разу еще не подвергался опасности, почему и не зналъ ея, а изъ чувства самолюбія: вдругъ не выполню почему-либо задачи. По-

явились мысли о неумѣнн ориентироваться по картѣ, боязнн не найти особенно конный отрядъ, такъ какъ передвиженіи кавалеріи совершались быстро, и стоянки были весьма кратковременны и т. п. Пережилъ много волненій и въ частности потому, что меня сильно задержали, почему время пошло совсѣмъ на вечеръ. Пришлось походить по отдѣламъ штаба; сначала къ генераль-квартирмейстеру, оттуда въ оперативное отдѣленіе, въ топографическій отдѣлъ, снова въ оперативное и, наконецъ, къ начальнику штаба, который преподаль мнѣ окончательныя указанія и далъ четыре нѣмецкихъ карты. Наконецъ поѣхали.—Автомобиль шелъ, какъ по паркету, набавляя скорость. Очень хороши нѣмецкія дороги, даже не шоссе, а проселочныя: широкія, безъ рытвинъ и ухабовъ, обсаженныя деревьями. Къ слову сказать, нѣмцы или вслѣдствіе быстроты отхода, либо по недогадкѣ, весьма облегчали задачу ориентировки съ мѣстностью, почти всюду оставивъ столбики съ дощечками съ надписями мѣстностей, городовъ, мѣстечекъ и деревень, вплоть до самыхъ мелкихъ. Впрочемъ это обстоятельство могло служить на пользу только при одномъ условіи—знанія, хотя бы сам го элементарнаго, нѣмецкаго языка. А вотъ какъ устраивались наши нижніе чины—для меня совершенно непонятно. Пришлось слышать разсказы объ аккуратнѣйшихъ доставкахъ пакетовъ, донесеній изъ одной части въ другую отдѣльными посланными, продѣлывавшими верхомъ большія и сложныя (по расположенію путей) разстоянія, въ совершенно незнакомой мѣстности, съ чужимъ населеніемъ и при полномъ незнаніи языка. Справляться о правильности взятаго маршрута у жителей представлялось неммыслимымъ, да былъ и рискъ, что направить нарочно на ложный путь. И, тѣмъ не менѣе, придавъ къ тому огромную изрѣзанность Восточной Пруссіи дорогами—наши солдаты великолѣпно справлялись съ задачами. Особенно казаки отличались въ данномъ отношеніи какимъ-то сверхъ-инстинктомъ...

Почти съ мѣста же мнѣ пришлось встрѣтиться съ препятствіемъ, наведшимъ меня на много размысленій. Всѣ дороги—тѣ же вѣдь коммуникаціонныя линіи, существовавшія необходимыя въ цѣляхъ передвиженій нашихъ войскъ—были полны цѣлыми таборами населенія, начавшаго возвращеніе въ свои мѣста. Первоначально вслѣдъ за отступленіемъ войскъ бросились уходить отъ «варваровъ» въ глубь страны и жители... Затѣмъ объявленіе съ предложеніемъ «вернуться къ мирному труду», гарантіи безопасности и обѣщанія всякаго благополучія въ нашихъ прокламаціяхъ, наряду, вѣроятно, съ пронизательнымъ распоряженіемъ германскаго пра-

вительства внять обѣщаніямъ и возвращаться, сдѣлали то, что всѣ массы ушедшихъ, покинувшихъ на мѣстахъ не только всѣ запасы, скоть и даже большую часть мелкаго домашняго скарба, бросились обратно по домамъ. Длинными веренищами въ огромныхъ, запряженныхъ часто четверкой коней, крытыхъ фургонахъ, коляскахъ, шарабанахъ, просто телегахъ и даже каретахъ потянулись жители, вѣдя лошадей и партіями скоть. Шли, какъ можно было видѣть, въ беспорядкѣ, иногда четырьмя рядами повозокъ, занимая всю ширь шоссе и дорогъ. Приходилось наткаться на такія явленія: двигается, напримѣръ, по шоссе артиллерійскій паркъ, за нимъ пѣхотная часть, маршевый эскадронъ, а на встрѣчу ему партія жителей и возвращающійся транспортъ. Попасть въ эту кашу въ автомобилѣ бывало бѣдой. Лошади пугаются, полный беспорядокъ, повозки идутъ въ 2—3 ряда, кругомъ стонъ въ воздухѣ отъ ругани—словомъ, вѣрная задержка въ пути минутъ на 5, а то и на 10... Невольно возникла мысль,—хорошо ли, что допускается водвореніе жителей, и это тѣмъ болѣе, что съ позицій шли слухи о томъ, что населеніе настроено враждебно, что возвращающіеся везутъ почтовыхъ голубей на предметъ связи съ непріятелемъ изъ нашего тыла, оружіе и даже въ этихъ крытыхъ фургонахъ, подъ соломой, переодѣтыхъ солдатъ.

Пакетъ, который я привезъ генералу Шейдеману, какъ оказалось, былъ, дѣйствительно, весьма существенный. Въ немъ заключалось приказаніе свыше названному командиру корпуса принять въ свое командованіе вторую армію—несчастнаго генерала Самсонова.

Сегодня (т.-е. 21-го) я узналъ, что она потерпѣла большое поражение, причемъ потери равнялись почти двумъ корпусамъ. Самсоновъ, будто бы, не снесъ позора, застрѣлился. Все, какъ говорили, произошло вслѣдствіе отсутствія должной связи между частями. Тутъ же въ бесѣдѣ ссылались на то, какое вниманіе генералъ Ренненкампфъ обращалъ на вопросъ связи въ мирное время на маневрахъ, какъ давалъ постоянно руководящія указанія въ томъ смыслѣ, что связь есть наисущественнѣйшее условіе правильнаго веденія военной операціи и, наконецъ, какъ строго взыскивалъ за всякія нарушенія этого вида. По рассказамъ,—за точность не отвѣчаю,—Самсоновъ шелъ съ 5 корпусами противъ восьми нѣмецкихъ. Одинъ изъ нашихъ корпусовъ (кажется, упоминали 17-й), подъ фланговымъ давленіемъ противника отскочилъ; одновременно съ этимъ сыграла какую-то роль противъ центра нѣмецкая кавалерія; наши части попали подъ перекрестный огонь, и пошло общее отступленіе весьма спѣшнаго и смущен-

наго характера... Было невыразимо грустно слушать такой отчетъ о первомъ крупномъ нашемъ неуспѣхѣ!..

Генералъ Шейдеманъ приказалъ мнѣ доложить командиру арміи, что онъ съ глубокимъ прискорбіемъ покидаетъ первую армію. Затѣмъ меня позвали къ начальнику штаба. Послѣдній задержалъ меня довольно долго, поручивъ докладъ по нѣсколькимъ существенно важнымъ вопросамъ генераль-квартирмейстеру. Между прочимъ, генералъ фонъ-Колень просилъ генераль-квартирмейстера принять экстренныя мѣры противъ нижеслѣдующаго вреднѣйшаго и опаснѣйшаго явленія. Какъ выяснило долговременное наблюденіе, районъ расположенія частей 2-го корпуса весь страдалъ отъ крайне неправильнаго дѣйствія телеграфа, кромѣ, конечно, военныхъ соединеній. Причины исходили отъ злоумышленія и заключались въ томъ, что въ столбахъ нѣмецкой линіи Инстербургъ—Норденбургъ во многихъ мѣстахъ имѣлись отводы, въ видѣ проволоки, днемъ лежавшихъ свободно, а ночью со спеціальной цѣлью втыкавшихся въ землю, дабы увести токъ. Эти операціи производились жителями, передвигавшимися на велосипедахъ, почему поймать ихъ всегда представлялось крайне труднымъ. Очагами «всякихъ козней» противъ нашихъ войскъ, ген. ф.-Колень назвалъ крѣпость Летценъ (въ Маурскихъ озерахъ) и городъ Растенбургъ. Онъ добавилъ при томъ, что несомнѣнно убѣжденъ въ дѣйствованіи подземнымъ телефономъ, и что имъ отдано распоряженіе по частямъ корпуса объ обнаруженіи и разрушеніи его.

22 августа. Нѣсколько упавшее, было, настроеніе, явившееся послѣдствіемъ нашихъ неудачъ во второй арміи, сгладили телеграммы съ галицкаго театра войны. Между прочимъ, вчера пріѣзжалъ съ позицій начальникъ штаба одной изъ кавалерійскихъ дивизій, мой знакомый еще по Гродненскому гусарскому полку, полковникъ Г. Разсказывалъ много интереснаго изъ письма своего брата, состоящаго при штабѣ одного изъ корпусовъ или одной изъ дивизій, дѣйствующихъ противъ австрійцевъ. Ихъ кавалерія не имѣетъ въ качествѣ предмета вооруженія пикъ; кромѣ того, относительно значительный процентъ офицеровъ, правда лишь до чина майора,—евреи. Сильно боятся нашихъ пикъ! Непринятіе кавалеріей австрійцевъ нашихъ конныхъ атакъ вошло въ обыкновеніе, причемъ, какъ только замѣтятъ несущуюся въ атаку нашу конную часть съ пиками,—первые, защищая лицо руками, бросаются назадъ офицеры, за ними и нижніе чины. Часто наши настигаютъ бѣгущихъ, и тогда происходитъ почти поголовное ихъ уничтоженіе. Въ отношеніи атакъ нижніе чины воспитали въ себѣ такую увѣренность, что нашъ разъѣздъ въ 10—12

человѣкъ, смѣло бросается на эскадронъ, и, почти всегда, такіа атаки успѣшно заканчиваются.

А все-таки съ удивительными удобствами хорошо живутъ нѣмцы. Какъ у нихъ все камень къ камню, прилажено, обстругано, подчищено. Ширина и распланировка улицъ, тротуары, которые свободно могли бы быть подъ стать нашимъ столицамъ, постройки; вездѣ цвѣтники, сады, скверы; передъ особняками палисадники съ изящными клумбами; все это производить, надо отдать справедливость, очень благоприятное впечатлѣніе. Въ саду лазарета около артиллерійскихъ казармъ, обращеннаго нынѣ въ госпиталь Краснаго Креста—всѣ деревья съ дощечками, на которыхъ названія видовъ растений; видно, все это, со стараніемъ и любовью садили и за всѣмъ слѣдили и ухаживали не менѣе, чѣмъ въ специальномъ ботаническомъ саду. Нѣмцы были вынуждены и быстро и весьма для себя неожиданно бросить городъ. Это доказывается наличностью оставленныхъ огромныхъ запасовъ, притомъ самыхъ разнообразныхъ: провіантскіе склады, весьма обширные, полны до верха соломой, сѣномъ, овсомъ. Каменный уголь на вокзалѣ наваленъ цѣлыми стѣнами. Осталась въ городѣ и масса частнаго имущества, причемъ, видно, все бросали, сгѣша уѣхать. Въ нашей, напримѣръ, гостиницѣ, въ одномъ изъ номеровъ, въ шкафу нашли полный комплектъ платья офицера-кирасира: пальто, мундиры, рейтузы, фуражки, каску. Въ казармахъ разыскали кучи неотосланныхъ солдатскихъ писемъ. Въ собраніи уланскаго полка успѣли только, уходя, составить въ одну изъ комнатъ мебель, сложить картины, посуду. Щитъ же напримѣръ, съ массой на немъ самаго разнообразнаго оружія, такъ и остался висѣть; украшая одну изъ стѣнъ вестибюля. Свое серебро, въ очень большомъ количествѣ и весьма, говорили, красиваго вида, уланы сдали въ мѣстный Восточный банкъ: Таковое, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ количествомъ золота, какъ я слышалъ, извлекли, взорвавъ съ этой цѣлью шкафы и хранилища банка, и отправили въ Двинскъ или Ригу.

Слѣзъ опять писать вечеромъ, и, пренебреже всего, хочется сказать нѣсколько словъ о нашемъ солдатѣ. Удивительно онъ созданъ; ему присущи совершенно особенныя черты, увѣренъ, отсутствующія у любыхъ иностранцевъ. Выносливость у него сверхчеловѣческая, презрѣніе къ опасности удивительное, а бодрость и веселость не оставляетъ его даже въ серьезнѣйшіе моменты. Но все это при условіи, каковы руководители. Бѣда, если командный составъ не сумѣетъ использовать всего богатства матеріала физическаго и духовно-закрывающагося въ нашемъ солдатѣ. Благодаря высокому развитію въ немъ чуткости, нашъ солдатъ

великолѣпно понимаетъ всякіе оттѣнки въ отношеніи къ нему. И, по-моему, строгость, въ непосредственномъ и полномъ единеніи съ признаваніемъ въ немъ всегда «человѣка», а не машины—лучшій способъ обращенія съ нимъ. За тѣмъ начальникомъ, который, будучи требователенъ и строгъ по службѣ, участливъ къ несложнымъ и малымъ солдатскимъ житейскимъ потребностямъ и нуждамъ—его часть полетитъ въ огонь и въ воду. Несомнѣнно, что почти все зависитъ отъ степени довѣрія его къ своему начальнику: особая лихость, безъ осторожности, не вызываетъ восхищенія; зато разумная храбрость старшаго, его хладнокровіе и умѣніе найтись—для солдата все. А сколько въ немъ неизмѣннаго юмора и несравнимой способности примѣниться ко всякому, подчасъ крайне тяжелому, положенію вещей? Проѣзжая, бывало, мимо колонны, идущей походомъ, со всѣми мѣрами охраненія, поражаешься настроенію: шуткамъ, смѣху, остроумью—конца нѣтъ! Лучшее лѣкарство для устающихъ. Бодрить! Идутъ, какъ въ праздникъ по родной деревнѣ! Одинъ, держа бережно въ рукахъ «казенное имущество»—фуражку, выступаетъ въ огромной соломенной шляпѣ, съ розовой на ней лентой, другой гордъ нѣмецкимъ тесакомъ у пояса, третій ведетъ собаку, приспособивъ ей, взамѣнъ ошейника, нѣмецкій унтеръ-офицерскій, пышный, двухъ цвѣтовъ темлякъ. И все-то веселитъ идущихъ. особую радость и веселье вызываетъ у нихъ автомобильные рожки. и это тѣмъ болѣе, когда звукъ оригиналенъ, напр., похожъ на громкій хриплый кашель. Долго при медленномъ проѣздѣ слышишь по этому поводу различныя замѣчанія и остроты. И въ каждой части идущей колонны есть непременно свои таланты—«любимцы публики». Однажды мнѣ пришлось на пути движенія пѣхоты наблюдать одного такого. Приспособился онъ къ походу великолѣпно: гдѣ-то нашель дѣтскую коляску, сложилъ туда амуницію; винтовку, шинель, ранецъ и шель себя, налегкѣ, еще пересыпая рассказъ о томъ, какъ вышла вся эта удобная для него исторія, прибаутками. Кругомъ гулъ стоялъ отъ смѣха товарищей; хохотали и офицеры... Словомъ, вездѣ и на позиціи подь огнемъ, и на отдыхѣ, и на походѣ нашъ солдатъ незамѣнимъ и неподражаемъ!..

Плохо то, что и въ текущей войнѣ начинаютъ понемногу чувствоваться недочеты и неурядки. Что же, значитъ напрасно твердили до войны: «Ну теперь не боимся, врасплохъ насъ не возьмутъ. Японія многому научила!»... И, однако, при наличности пушекъ, недохватъ снарядовъ, колесъ, лафетовъ; пѣхотѣ рекомендуется беречь патроны. И слышится съ позицій, что неприятелю не въ полной мѣрѣ отвѣчаютъ на его стрѣльбу. Авіація,

говорять, тоже не на высоту; летчиковъ впереди мало видно; а летчики, въ свою очередь, оправдываются тѣмъ, что связаны по рукамъ и по ногамъ, такъ какъ аппараты никуда не годятся. Бронированныхъ автомобилей нѣтъ, а между тѣмъ, какъ они нужны! Вѣдь нѣмцы широко пользуются ими, и, надо сказать, дѣйствіе этихъ машинъ самое губительное. Кто причиной всѣхъ этихъ и подобныхъ недочетовъ—покажетъ будущее. Говорили, напр., правда много и зря болтають, что генераль Сухомлиновъ—военный министр, на справедливое сужденіе о необходимости имѣть въ достаточномъ числѣ бронированные автомобили, только разсмѣялся и заявилъ, что это хорошее приспособленіе для арміи въ мирное время. То обстоятельство, что онъ интересовался автомобильнымъ дѣломъ, видимо было и по газетамъ, гдѣ то и дѣло читалось о посѣщеніяхъ имъ автомобильныхъ ротъ, и по журналамъ, гдѣ печатались соотвѣтствующіе снимки. Весьма возможно, что генераль Сухомлиновъ, сочтя себя кореннымъ знатокомъ по этому вопросу и придя къ убѣжденію, что автомобили годны лишь, какъ перевозочныя средства, а не орудія нападенія и обороны,—искренно отстаивалъ свое мнѣніе, а противорѣчить ему никто и не посмѣлъ бы. Господи, Господи, когда же, наконецъ, у насъ все будетъ по-настоящему? Вотъ тоже и высшій командный составъ! Кричали: «Довольно рутины, пора выдвигать таланты, польза не въ годахъ службы, а въ умѣнн и способностяхъ!». И, въ результатѣ, генералы въ возрастѣ: 74 года, 68, 67 и т. п.—все за шестьдесятъ. Невольно можно, пожалуй, вспомнить карикатуру въ одномъ изъ нашихъ юмористическихъ журналовъ—современницу японской войны. Она была помѣщена по поволу назначенія на боевой высокой отвѣтственный постъ одного изъ престарѣлыхъ генераловъ. Изображено было кладбище и на немъ люди съ фонарями, бродящіе въ поискахъ среди могилъ и, наконецъ, наткнувшіеся на одну, еще не вполне засыпанную: изъ нея торчитъ кверху нога въ сапогѣ со шпорой и въ шароварахъ съ генеральнымъ лампасомъ. За эту ногу извлекають генерала. Это все какъ то обидно!

Въ четыре часа дня командующій выѣхалъ въ штабъ 3-го корпуса на засѣданіе Георгіевской Думы. Корпусъ стоялъ въ Апишкенѣ къ юго-юго-западу отъ Инстербурга—въ разстояніи, точно не скажу, но верстъ 25—30. Тѣмъ временемъ, какъ шло засѣданіе, въ садикѣ передъ «офицерскимъ собраніемъ», въ которое былъ обращенъ одинъ изъ флигелей помѣщичьей усадьбы, гдѣ стоялъ штабъ,—велись разговоры. Обсужденіе вопроса о самой важной наградѣ военныхъ отозвалось и на темѣ бесѣды,

которая велась въ саду офицерами штаба. Говорили опять, что пѣхоту сильно обходятъ наградами. Общее мнѣніе сводилось къ тому, что весьма мало лицъ, участвовавшихъ въ бояхъ 4-го и 7-го августа, представлены къ награжденію. По рассказамъ лицъ свѣдущихъ—вина отчасти падаетъ на пѣхотное начальство: оно настолько боится, какихъ бы то ни было, лишннихъ сношеній съ высшимъ команднымъ составомъ, что предпочитаетъ, во избѣжаніе возможности истребованія дополнительныхъ объясненій—скупиться, если въ силахъ, въ представленіяхъ. Между прочимъ, опредѣленно выяснилось, что участвовавшіе и отличившіеся въ обоихъ упомянутыхъ бояхъ были представлены къ наградамъ не отдѣльно за оба, какъ соотвѣтствовало бы, казалось, ихъ заслугамъ, а либо за одинъ, либо за другой. Такъ и чувствовалась психологія какого-нибудь стараго полкового командира: «а ну какъ скажутъ: начальство затрудняетъ; какъ много напредставлялъ; а какъ, еще хуже не повѣрятъ; подумаютъ—хочетъ этимъ самъ выдвинуться!». Не поспособствовало большей смѣлости въ представленіяхъ къ наградамъ и то обстоятельство, что командующій, посѣтивъ послѣ боевъ 27-ю и 28-ю дивизіи, неоднократно и настойчиво просилъ начальствующихъ лицъ—не скупиться въ представленіяхъ. И вотъ, наряду съ приведеннымъ рассказомъ о крайней жадности по вопросу о наградахъ, мнѣ привелось слышать примѣръ проявленія серьезнаго и высокаго духа, сознанія важности задачи и доброй совѣсти въ исполненіи долга. Дѣло идетъ о героизмѣ двухъ офицеровъ 107 Троицкаго полка, а я убѣжденъ, что такихъ примѣровъ весьма много. Не запомнилъ, было ли это въ бою 4-го или 7-го августа,—это и не важно,—но вотъ что произошло. Я приведу рассказъ весь, какъ я его слышалъ. Въ одной изъ ротъ участвовало семь нижнихъ чиновъ и офицеръ, штабсъ капитанъ или капитанъ Г. Последній, руководя своими, дѣлалъ все, что можно было, и даже невозможное: вытаскивалъ застрявшія орудія, принималъ самое горячее участіе въ подачѣ помощи здѣсь же на полѣ боя раненымъ, словомъ, былъ всюду; и, въ результатѣ, его, оставшагося все время на мѣстѣ, вдохновившаго горсть солдатъ, потрясенныхъ гибелью на ихъ глазахъ всей роты—представили, кажется, къ мечамъ къ имѣвшемуся у него давно Станиславу на шеѣ. Я, конечно, несвѣдущъ,—но скажу—мало!.. Также отозвались, впрочемъ, и слышавшіе рассказъ строевые офицеры. Второю примѣръ. Въ томъ же Троицкомъ полку былъ убитъ начальникъ пулеметной команды; и его замѣнилъ въ бою поручикъ П. Будучи раненъ въ руку и въ грудь, П. остался, несмотря на это, до конца боя, все время руководилъ командой и сегодня, чуть

подлечившись, и еле держась на ногахъ отъ слабости, уже явился вновь, стремясь отправиться въ свою часть. Чуть ли не всё совѣтовали ему отдохнуть, хоть при штабѣ арміи, еще подкрѣпиться и оправиться немного, но онъ отвѣтилъ, что какъ то совѣстно сидѣть въ тылу, когда родная часть впереди и дерется. А какъ скромны такіе сѣрые пѣхотные герои! На предложеніе пойти пообѣдать въ столовую штаба арміи, поручикъ П., напр., отвѣтилъ, что стѣсняется: «слишкомъ ужъ много тамъ высшаго начальства!»

24 августа. Совѣмъ, было, упустилъ отмѣтить приемы, практикуемые нѣмцами, въ качествѣ способовъ веденія войны. Изъ коннаго отряда генерала Х.-Н. были посланы два мотоциклиста съ задачей установить связь между частями. Ни тотъ ни другой не вернулись. Одинъ исчезъ совершенно, другого нашли потомъ мертвымъ съ огнестрѣльной раной и распоротымъ животомъ, причѣмъ всё внутренности оказались выпущенными. Въ штабѣ 3-го корпуса командиръ полевого жандармскаго эскадрона подполковникъ Н. получилъ вчера въ подарокъ нѣмецкую обойму въ пять патроновъ съ фабричнаго производства (а не кустарнаго) «думъ-думъ».

26 августа. Часовъ въ 12-ть сопровождалъ генерала на обычную прогулку, при чемъ въ магазинѣ, куда мы зашли, онъ отдалъ приказаніе своему адъютанту В. отправиться въ Тильзитъ. Обратясь ко мнѣ, командующій предложилъ и мнѣ ѣхать вмѣстѣ. Какъ я узналъ впоследствии, причиной командированія были слухи, дошедшіе въ штабъ о слабости Тильзитскаго коменданта и распушенности жителей. Мое впечатлѣніе при въѣздѣ въ Тильзитъ было таково, будто я въ автомобилѣ пріѣхалъ за границу; чувствовалась даже нѣкоторая, какъ бы сконфуженность, вродѣ ощущенія, что слѣдовало, собственно, передъ кѣмъ-то извиниться, предъявить «шудману» паспортъ и завѣрить въ исключительно туристскихъ стремленіяхъ. До такой степени вся открывшаяся моимъ глазамъ картина совершенно не напоминала ничѣмъ, что городъ занятъ русскими войсками. Такъ, въ предметъ поразило меня, даже не по сравненію съ прочими городами, которые я видѣлъ въ В. Пруссіи,—оживленное, большое движеніе. Въ самомъ же городѣ и говорить нечего! Масса публики; магазины всё открыты; трамвай въ полномъ ходу. Ни одного военнаго нашего не встрѣтилось пока! Зато,—можетъ это настроеніе,—но готовъ ручаться—видѣлъ нѣсколькихъ переодѣтыхъ германскихъ офицеровъ: сразу, по выправкѣ и манерѣ держать себя,—ихъ можно было отличить. Я не могъ удержаться отъ того, чтобъ не подѣлиться впечатлѣніями со своими спутниками.

Даже сорвалась фраза: «господи, да дѣйствительно ли городъ занятъ, а вдругъ какъ наши почему-либо ушли; вотъ глупо-то попадемся». И чувствовалось, что у всѣхъ, сидящихъ въ автомобилѣ, настроеніе пониженное. Какъ-то отъ сердца отлегло, когда на площади, названія не знаю, мы чуть не попали подъ трамвай,—налетѣли на взводъ пограничной стражи. На наши разспросы, гдѣ управленіе коменданта, браваый унтеръ далъ намъ всё указанія и мы двинулись къ вокзалу по главной улицѣ, переполненной дѣловой и гуляющей публикой. Изъ военныхъ замѣтили двухъ проходившихъ офицеровъ саперъ, да около ресторана съ верандой, сплошь полной нѣмцевъ, увидѣли автомобиль съ флажкомъ, кажется, дивизионный. Комендантъ съ мѣста же сталъ увѣрять насъ въ томъ, что жители не только корректны, но обязательны и предупредительны, что въ городѣ всё обыски уже произведены, и что найденное въ магазинахъ оружіе взято подъ росписки, выданныя владѣльцамъ «на храненіе»; что въ городѣ оказалась масса велосипедовъ и, наконецъ, что и автомобили имѣются, но испорченные. Между тѣмъ, я разговорился во дворѣ драгунскихъ казармъ—(въ зданіи помѣщалось, между прочимъ, и управленіе коменданта)—съ шоферомъ автомобиля какой-то дивизіи, не то уже пришедшей, не то долженствовавшей вступить въ Тильзитъ и отъ него узналъ, что автомобилей въ городѣ много, но всё они отлично спрятаны. А какъ часто вѣрны солдатскія свѣдѣнія! Дальнѣйшее вполне наглядно доказало мнѣ, что двадцать семь ящиковъ «трофеевъ», съ уложенными туда мобилизаціонными картами, картинами и библиотекой собранія драгунскаго полка (все, что извлекли для отправки въ нашъ штабъ) далеко не исчерпываютъ матеріала, которымъ можно было бы попользоваться, дѣйствуя съ первыхъ же шаговъ, съ надлежащей энергіей: предприимчивостью и, пожалуй, желаніемъ. Адъютантъ командующаго В., тутъ же, у коменданта, предложилъ мнѣ отправиться въ городскія казармы у вокзала и собрать, если найду, карты. И вотъ, комендантъ категорически заявилъ, что это напрасный трудъ, такъ какъ все уже изъято, по его распоряженію, и я въ казармахъ ничего не найду. Въ результатъ же моихъ дѣйствій, я нашелъ значительное количество нѣмецкихъ картъ, которыя и привезъ въ штабъ. Многія, потому пригодились. А въ ящикѣ, специально съ картами, бывшемъ въ числѣ «трофеевъ», заключались, правда, карты, но наши же—русскія и притомъ не нужныхъ намъ, по времени, районовъ: того же Виленскаго, Ковенскаго. Мнѣ не удалось болѣе внимательно, присмотрѣться къ жизни города, такъ какъ почти все время пребыванія въ Тильзитѣ, исключая полутора, приблизи-

тедьно часовъ, изъ коихъ полчаса провелъ у коменданта, а въ теченіе часа закусывалъ въ гостинницѣ «Königlicher Hof», передѣланной, названіемъ, въ «Hôtel de Russie» (остались совершенно явные слѣды недавней замазки и работы по изготовкѣ новой вывѣски) — я провелъ въ казармахъ. Привелось, среди дѣла, ознакомиться съ гарнизонной жизнью нѣмецкаго солдата. Помѣщенія хорошія, хотя и небольшія по размѣрамъ, однако вездѣ порядокъ: хотя бы шкафчики для вещей—съ отдѣленіями, на замкахъ; видна большая забота объ имуществѣ нижнихъ чиновъ. По тому виду, въ какомъ я засталъ казармы,—легко можно было судить о спѣшнѣмъ оставленіи ихъ нѣмцами; масса чего осталось: кучами валялись, въ помѣщеніяхъ, каски, мундиры, предметы личного снаряженія и всякій хламъ. Впечатлѣніе было такое, что нѣмцы быстро ушли, а наши по горячему слѣду пошарили. Казаки расположившейся здѣсь въ одномъ изъ зданій сотни высказали мнѣ откровенное удивленіе по поводу комфорта, съ которымъ жили нѣмецкіе солдаты. Между прочимъ, особенное ихъ одобреніе заслужило устройство косякъ: вродѣ наръ, но одиночныхъ; на каждыхъ нарахъ пружины въ 3-хъ рамкахъ, вложенныхъ въ чехлы. Говорили, что очень мягко и удобно спать. Я, собственно не раздѣлилъ мнѣнія казаковъ потому, что койки были устроены въ два ряда—одинъ надъ другимъ, вродѣ того какъ верхнія и нижнія мѣста въ вагонахъ, приспособленныхъ для сна. Это, если учесть малый размѣръ помѣщеній, показалось мнѣ негигиеничнымъ. Изъ разсказовъ казаковъ, съ большой готовностью предложившихъ мнѣ услуги при разборкѣ найденныхъ въ казармахъ документовъ, узналъ, что первыя вступившія въ городъ наши части, расположившись въ этихъ казармахъ, находили тамъ въ помѣщеніяхъ на столахъ непитыя кружки пива, кофе, сигары, масло, сыръ и коньякъ. Видимо, уходя, нѣмцы даже закусить вволю не успѣли. Въ подвалахъ были обнаружены два боченка, объемистыхъ, какъ мнѣ показали—коньяку. Конечно, наши не сохранили этого напитка. Закончили казаки свои сужденія объ образѣ жизни нѣмецкихъ солдатъ умозаключеніемъ, что у нихъ такъ «вольнопредѣляющіеся не живутъ, развѣ только господа офицеры». Обходя помѣщенія, видѣлъ, что стѣны коридоровъ обвѣшаны портретами Гогенцоллерновъ, знаменитыхъ генераловъ и хорошо исполненными изображениями патріотическо-воинственнаго характера—преимущественно эпизодовъ времени франко-прусской войны. Преобладали среди портретовъ, разумѣется, Бисмаркъ и Мольтке. Надъ входами въ коридоры, а также помѣщенія ротъ красовались вездѣ надписи въ разныхъ краскахъ, изукрашенные всевозмож-

ными завитушками и гласившія, напр.: «seid treu und tapfer». Слова «Sieg», «Kaiser», «Vaterland», составляли, конечно, необходимую принадлежность почти каждой такой надписи. Въ двухъ трехъ ротныхъ помѣщеніяхъ я обратилъ вниманіе на фотографическія группы. Снялись, очевидно, отслужившіе срокъ передъ уходомъ въ запасъ: посрединѣ столъ съ сидящими за нимъ офицерами, а съ боковъ и кругомъ въ различныхъ позахъ солдаты. Подъ группами подписи; запомнилъ одну, напр.: «веселые хлѣбобекари 41-го пѣхотнаго полка». Въ видѣ аксессуаровъ къ изображеннымъ лицамъ, оружіе, большія трубки и традиціонныя бочки съ пивомъ, куфели (кружки пивныя) и сигары. Въ помѣщеніяхъ канцелярій все имѣло такой видъ, какъ будто въ нихъ только что работали: масса книгъ, дѣлъ, нарядовъ, карты, тетради на столахъ, пишущія машины.

Въ ресторанѣ, куда мы пошли обѣдать, имѣлъ мѣсто случай, по моему знаменательный, въ смыслѣ характера отношеній къ своимъ побѣдителямъ тильзитскихъ нѣмцевъ. Намъ прислуживалъ кельнеръ, очень почтенный; велъ себя вполнѣ корректно, но чувствовалось во всемъ не только невниманіе, но и полное его къ намъ пренебреженіе. Съѣли традиціонныя шницели, выпили пива и стали пить кофе. Штабъ ротмистръ 3.-3. спросилъ сигару. Кельнеръ принесъ, но, закуривъ, 3.-3. сталъ жаловаться, что сигара и отвратительнаго вкуса и плохо курится. Кофе былъ выпить, полсигары докурено и расплатившись и щедро вознаградивъ кельнера, мы вышли въ вестибюль. Тамъ 3.-3. обратилъ вниманіе на шкафикъ, въ которомъ подъ стекломъ стояло нѣсколько ящичковъ съ разнообразными и, видимо, отличными сортами сигаръ. На вопросъ кельнеру—почему же онъ не подаль лучшихъ сигаръ, былъ полученъ отвѣтъ: «эти сигары (онъ указалъ на шкафъ) мы держимъ не для такихъ гостей!» Сколько заключалось въ этой фразѣ скрытаго подъ ледянымъ, холоднымъ тономъ презрѣнія къ намъ—передать невозможно. Я вышелъ изъ себя и, взявъ почтеннаго кельнера за шиворотъ и хорошо встряхнувъ его, внушилъ ему, что онъ не смѣетъ вообще такъ отвѣчать посѣтителямъ, что долженъ помнить переживаемое время, а также и то, что разговариваетъ во время войны съ врагомъ, занявшимъ землю, на которой живетъ.

Назадъ мы доѣхали очень быстро. По пріѣздѣ штабъ-капитанъ В. немедленно отправился съ докладомъ къ генералу. Что говорилось въ кабинетѣ—не знаю, но, выйдя оттуда, генералъ спросилъ меня—какое впечатлѣніе я вынесъ изъ поѣздки? Я, совершенно откровенно доложилъ ему свое мнѣніе о необходимости принятія строгихъ мѣръ въ отношеніи жителей Тильзита и о

несоотвѣтствіи по моему мнѣнію коменданта занимаемой имъ должности, въ виду его нерѣшительности и задатковъ мирволить населенію. Генераль остался какъ будто недоволенъ моимъ докладомъ. Хотя онъ и высказался за необходимость наложить на Тильзитъ хорошую контрибуцію, но, въ то же время замѣтилъ мнѣ, что «впечатлѣній мало, а нужны факты!» Опять повторяю— не умѣемъ мы себя держать побѣдителями: все чего-то конфузимся!

За послѣднее время, какъ коренныхъ,—состоящихъ при командующемъ, такъ и всю компанію разныхъ толкущихся «солнца», въ чайникъ получше устроиться,—офицеровъ охватила какая-то лихорадка стремленій «отличиться». Только и разговоровъ—что о наградахъ—кому что нужно, кто чего хочетъ добиться! Слышны заявленія вродѣ того: «мнѣ надо еще два солдатскихъ Георгія (1 и 2 степени) и Владиміра съ мечами; тогда я успокоюсь!», или: «я непременно добьюсь всего вплоть до золотого оружія!» Меня даже разозлило второе заявленіе и потому, что говорившій такъ былъ штатскимъ, достаточно пожилымъ, и мнѣ казалось,—что ему естественнѣе всего будетъ, окончивъ добровольное пребываніе на войнѣ, вновь мирно облачиться въ пиджакъ. На мой вопросъ—къ чему ему нужны награды и золотое оружіе особенно, я получилъ доподлинно слѣдующій отвѣтъ: «этѣ украшения дѣвушки очень любятъ; къ тому же пріятно, получивъ Георгія 2-ой степени, сохранить форму полка,—всегда быть гусаромъ!» И это все говорилось человѣкомъ въ возрастѣ 56 лѣтъ! Я не повѣрилъ его искренности и думаю другое: ему, какъ человѣку, безъ опредѣленнаго положенія служебнаго, да насколько знаю и въ обществѣ, просто, вѣроятно, необходима такая виѣшняя оболочка, которая бы открыла ему всюду широкій доступъ. Цѣли же проникнуть всюду многообразны—ну скажемъ хотя бы при занятіяхъ крупными комиссіонными дѣлами. Тутъ не можетъ не имѣть существеннаго значенія—пиджакъ ли на человѣкѣ или додоманъ, съ развѣшанными на немъ боевыми отличіями, а на боку золотая сабля, съ георгіевскимъ темлякомъ.

Вчерашній день оставилъ по себѣ одно непріятное воспоминаніе. Произошло безобразіе въ ресторанѣ. Напилась дѣлая компанія, кутиди съ кельнершами, шумѣли и наскандалили. Въ сущности, какая мерзость! Точно мы живемъ въ Вильнѣ, въ мирное время. Мало кто думаетъ о томъ, что переживаемое время составитъ исключительныя страницы исторіи, которая современемъ будетъ читаться, даже изучаться и какъ еще!

27 августа. Коснусь, въ нѣсколькихъ словахъ, условий, въ которыхъ работаетъ генераль, насколько, конечно, могъ наблюдать. Не легко мнѣ, чуждому совершенно всякихъ военныхъ порядковъ—создать себѣ, въ этомъ отношеніи, опредѣленное и, главное, вѣрное представленіе. Основываюсь на впечатлѣніяхъ отъ лицъ окружающихъ его, но лицъ не свиты, а дѣловыхъ. Изъ нихъ наиболѣе значительнымъ и ближайшимъ сотрудникомъ является начальникъ штаба. Такъ по крайней мѣрѣ, думаю я, должно быть. Еще въ Вильнѣ приходилось слышать, что, и въ мирное время, работа въ штабѣ округа шла не такъ, какъ слѣдовало бы. Говорили, что генераль М. очень умный, дѣльный и рѣшительный человѣкъ, но тяжелаго характера и что, будто бы, взгляды его сильно расходятся съ таковыми командующаго. Словомъ, взаимоотношенія этихъ двухъ лицъ, стоявшихъ во главѣ округа заставляли, будто бы, желать много лучшаго. Проскальзываетъ впечатлѣніе, будто, въ иныхъ случаяхъ, генераль М. отстаиваетъ взгляды, прямо противорѣчащіе мнѣнію генерала. Но тому или иному вопросу. Оба рѣшительны, воля обоихъ сильна—не знаю, кто всемъ управляетъ, но страшно, какъ бы разногласіе между двумя этими главными двигателями не отразилось на усилѣхъ операций нашей арміи. Мое мнѣніе таково, что генераль положилъ себѣ за основное правило—мало считаться съ штабомъ, и все дѣлается, какъ онъ хочетъ, причемъ, однако, разумѣется, соблюдается виѣшній декорумъ. Слѣдующими ближайшими сотрудниками генерала должно, по-моему, считать дежурнаго генерала К. и генераль квартирмейстера Б. Оба они чрезвычайно почтенные и симпатичные люди; отъ нихъ благотворно вѣетъ тѣмъ воспитаніемъ, котораго во многихъ здѣсь ощущается острый недостатокъ. Но... ни того ни другого я почти никогда не видѣлъ у генерала. Генераль Б., въ частности, вообще совершенно не показывается. Въ Вержболовъ дни и ночи обложенный картами и депешами, просиживалъ онъ въ вагонѣ, а тутъ не выходитъ изъ своей комнаты. Разъ только я увидѣлъ его у входа въ апартаменты командующаго и совершенно искренно удивился. Генерала К., правда, болѣе видно. Онъ ежедневно обѣдаетъ за столомъ командующаго, но всегда садится гдѣ-нибудь въ сторонкѣ и притомъ не въ одно время съ генераломъ. Рѣдко, когда увидишь ихъ разговаривающими. Даже живетъ онъ отдѣльно, въ другой гостиницѣ, правда недалеко отъ штаба. Наконецъ, третій, непосредственно работающій при генералѣ—начальникъ этапно-хозяйственнаго отдѣла генераль Я. живетъ совершенно обособленно; видѣть его приходилось рѣдко, выслушивающимъ краткія, отрывистыя приказанія командующаго. Чувствуется и

туть отсутствіе рабочей близости, дѣйствительнаго единенія, ради общаго дѣла. Теперь перейду къ генераламъ, состоящимъ при командующемъ, но внѣ всякой связи съ штабомъ. Первый кн. Б.-Б. чрезвычайно корректный, воспитанный человѣкъ; знаю его мало. Болѣе просто и близко ко всѣмъ намъ держитъ себя другой милѣйшій генералъ Е. Онъ, впрочемъ, вообще-то въ сторонѣ. На него возложена, кажется, особая миссія находиться вблизи князей, сыновей великаго князя Константина Константиновича, служащихъ въ гвардіи. Генералъ Е. былъ, говорили, ихъ воспитателемъ и очень близокъ всей семьѣ великаго князя. Думаю, что, какъ генералъ Б.-Б., такъ и Е., оба, какъ не боевые—не могутъ быть настоящими совѣтчиками командующему. Наиболѣе часто онъ проводитъ свое свободное время съ двумя-тремя близкими лицами изъ числа свиты, и мнѣ кажется, что взявъ онъ этихъ лицъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью отводить душу, въ бесѣдахъ частнаго характера съ ними и отдыхать, такимъ образомъ, отъ массы дѣлъ, тревогъ и огорченій, неразрывно связанныхъ съ его высокимъ отвѣтственнымъ положеніемъ. Резюмируя все сказанное, прихожу къ выводу, что генералъ одинокъ; все важное—что дѣлается, въ смыслѣ военныхъ операций—исходитъ исключительно отъ его личной инициативы; если же распоряженія генерала иногда и безрезультатны,—то это объясняется высшими директивами штабовъ главнокомандующаго фронтомъ и верховнаго. Время покажетъ—соотвѣтствуетъ ли польза дѣла порядокъ, установившійся у насъ въ штабѣ и описанный мною выше. Свита, повторяю, не любитъ штаба; кто-то вчера сострилъ, назвавъ штабныхъ людьми «потайного ума».

Сегодня отправился на почту. По дорогѣ встрѣтилъ командира нашего авіаціоннаго отряда (не знаю вѣрно ли называю) штабъ капитана Т. Онъ излился въ сѣтованіяхъ на наши неурядки и недочеты. На нашемъ фронтѣ, по его словамъ, всѣ сто наличныхъ летчиковъ отказались летать на аппаратахъ иныхъ, кромѣ определенныхъ системъ, кажется—Буазена и Моранъ-Сальнье; однако ничего не вышло. Прислали, правда, пять аппаратовъ желательной конструкции, но съ указаніемъ, что лѣтчикамъ вмѣняется въ обязанность летать на тѣхъ машинахъ, которыя имъ даютъ. Теперь мнѣ становится понятными попреки нашимъ лѣтчикамъ, дѣлаемые частями на передовыхъ позиціяхъ, что нѣмцы все время летаютъ, а нашихъ лѣтчиковъ почти не видно. «Хорошо, что—добавилъ Т.—я догадался аппараты отправить двумя эшелонами—уже пришло три, и дня черезъ два у меня будетъ въ распоряженіи съ удѣлѣннымъ прежнимъ,—четыре». Мнѣ, между прочимъ, говорили, что очень значительное количество аппаратовъ, суще-

ственно необходимыхъ здѣсь, держать въ Петроградѣ на случай появленія цепелиновъ, которыхъ тамъ очень боятся. Третьяго дня днемъ, изъ Инстербурга, полетѣлъ на развѣдку доброволецъ. Одинъ изъ извѣстныхъ нашихъ авіаторовъ А. Долженъ былъ вернуться къ вечеру, но не прилетѣлъ. Всѣ, разумѣется, очень встревожились. Наконецъ, вчера, около часу дня, явился, но безъ аппарата. По его разсказу ему пришлось, съ наступленіемъ темноты, опуститься гдѣ-то верстахъ въ 25-ти по дорогѣ на Тильзитъ. Въ результатѣ онъ былъ вынужденъ ночь провести у аппарата, а утромъ возвращаться на лошадахъ:—очевидно не хватило бензина. Но все же, по неопытности, А. допустилъ очень досадную оплошность. Не оставилъ у аппарата стражи и не взялъ заложниковъ. Когда прѣехали затѣмъ забрать аэропланъ, таковой оказался сильно поврежденнымъ. Аэропланъ опустился, какъ оказалось, около или въ самой усадьбѣ помѣщика, поляка по національности,—германско-подданнаго. Было приказано снарядить экспедицію, дабы разслѣдовать дѣло и примѣнить репрессіи въ отношеніи виновныхъ, въ томъ числѣ и помѣщика, явно враждебно къ намъ настроеннаго. Кстати, долженъ былъ быть возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы забрать отъ него рабочихъ, жителей русской Польши, которые, будучи батраками въ имѣніи, съ началомъ военныхъ дѣйствій, потеряли возможность вернуться домой и обратились съ просьбой помочь имъ уѣхать. Не обошлось и безъ комичнаго. Такъ, когда А. опустился, сбѣжались, разумѣется, окрестные жители; и особенно бабы проявили къ лѣтчику массу вниманія: сготовили ужинъ, наперерывъ предлагали ночлегъ, а одна изъ нихъ, по выраженію штабъ капитана Т., потомъ ее увидѣвшаго, «сдобная» нѣмка-солдатка—мужъ былъ въ германской арміи—дѣлала А. весьма недвусмысленные авансы. Когда А. категорически отвергъ всѣ предложенія, касавшіяся разнообразныхъ удобствъ, и остался при аппаратѣ, женщины искренно удивились. Закончу запись дня изложеніемъ факта, достаточно опредѣленно характеризующаго отношеніе къ намъ населенія. Гдѣ-то, подъ Инстербургомъ, двое нѣмцевъ встрѣтили въ безлюдномъ мѣстѣ нашего сувальскаго поляка, если не ошибаюсь, служащаго въ военнопламенномъ транспортѣ. Они его сильно избили, причемъ палками перебили ноги. Нашли несчастнаго солдата совершенно случайно и привезли сюда—въ госпиталь.

2-го сентября. Ковно. Записываю, насгѣхъ, боясь упустить что-либо, карандашомъ, будучи въ вагонѣ санитарнаго поѣзда въ Вильну.

28 августа вбѣжалъ ординарецъ С. съ приказаніемъ подполков-

ника М.—мнѣ быть готовымъ ѣхать. Явившись тотчасъ къ подполковнику М., я получилъ распоряженіе отвезти приказаніе на заставы за городомъ Столупененомъ двумъ стоявшимъ на охранѣ сотнямъ пограничной стражи. Выѣхавъ въ автомобиль и скоро безъ особаго труда путемъ свѣрки по картѣ, нашелъ расположеніе третьей сотни, но затѣмъ проѣздивъ часа два, тщетно разыскивая вторую. Ничего не могъ сдѣлать: мнѣ было приказано найти третью и искать, далѣе, вторую, по связи ея съ третьей, причемъ правда, указано—гдѣ приблизительно она можетъ стоять, но наличности этой связи и не оказалось. Еще примѣръ нашихъ недочетовъ! Вернулся изъ своихъ странствованій въ городъ часа въ три ночи. Къ моему крайнему изумленію—въ расположеніи штаба я не засталъ рѣшительно никого, кромѣ совершенно растерянныхъ—нѣкоторые буквально тряслись отъ страха—денщиковъ, лихорадочно—поспѣшно складывавшихъ вещи. Сталъ спрашивать—кого бы увидѣть, чтобы узнать—какъ поступить въ дальнѣйшемъ лично мнѣ, но ни отъ кого толковаго отвѣта не добился. Наконецъ, я узналъ, что штабъ, во главѣ съ командующимъ, и вся свита выѣхали въ Инстербургъ. Въ Столупенѣ же остался Павлоградскій полкъ и двѣ сотни пограничниковъ; батарея куда то ушла. Общее командование гарнизономъ генералъ поручилъ командиру гусаръ полковнику П. Всѣ эти свѣдѣнія я получилъ отъ одного изъ офицеровъ Павлоградскаго полка, зайдя случайно въ дежурную комнату. Онъ же передалъ мнѣ приказаніе, по его словамъ неходившее лично отъ генерала,—ѣхать мнѣ въ Инстербургъ, какъ только вернусь. Какъ разъ въ это же время за мной прислали изъ 3-го отдѣла Штаба, оставшагося въ Столупенѣ, съ распоряженіемъ явиться за полученіемъ весьма важнаго пакета, который и отвезти генералу. Затѣмъ, частью отъ знакомаго офицера, случайно встрѣченнаго, частью же въ штабѣ, узналъ, что за время моего отсутствія произошло слѣдующее. Еще вечеромъ были генераломъ получены свѣдѣнія, хотя и неопредѣленнаго характера, о занятіи нѣмцами города Гольдапа и прорывѣ неприятельской кавалеріи. Затѣмъ, когда я уѣхалъ, получились дополнительныя, на этотъ разъ уже совершенно точныя извѣстія, подтверждавшія взятіе Гольдапа и фактъ быстрого наступленія нѣмцевъ. Между прочимъ я узналъ новость, сильно меня поразившую: командующій отрѣшился отъ должности нашего начальника штаба генерала М. Основаніемъ тому, какъ мнѣ рассказывали, было, что генералъ М., получивъ послѣднія извѣстія о взятіи Гольдапа и т. п. въ восемь часовъ вечера, доложилъ эту депешу генералу лишь въ часть ночи. Послѣ этого доклада генералъ, весьма крупно пере-

говоривъ съ М. и отрѣшивъ его, поѣхалъ въ Инстербургъ, къ тому времени обратившійся изъ тыла въ линію, непосредственную за передовыми позиціями;—такъ быстро и сильно шло наступленіе противника. Нечего было терять ни минуты времени, я, какъ только могъ, быстро собрался и отправился въ штабъ. Тамъ мнѣ вручили пакетъ, заключавшій очень важное приказаніе высшаго командованія, причемъ поручили доставить эту депешу генералу «во что бы то ни стало», успокоивъ, впрочемъ, что на моемъ пути пока тихо, но ручаться нынѣ ни за что нельзя. Между тѣмъ, въ то же время, шли уже разговоры и тамъ же, въ отдѣлѣ, о появленіи на линіи Столупененъ-Инстербургъ неприятельскихъ конныхъ частей, и, особенно, разѣздовъ. Вышла, было, небольшая заминка съ автомобилемъ: въ моемъ распоряженіи была единственная машина, правда сорокасильный «Benz», на которомъ я ѣздивъ въ охраненіе, но сильно порабатавшій, такъ какъ вернулся только вечеромъ съ восьмисотверстнаго перегона. Говорили, что за чѣмъ то на немъ ѣздивъ изъ Инстербурга штабскій капитанъ В. Это было таинственное путешествіе: онъ выѣхалъ ночью, причемъ шли толки, что повезъ еще автомобиль—нѣмецкій, уже обратно не вернувшійся, и что обѣ машины шли съ грузомъ. Сопоставляли все это съ взрывами банка въ Инстербургѣ и, будто бы, фактомъ нахождения тамъ нѣкоторой суммы золотомъ, являли, что много поѣхало въ Вильну шельковъ, мѣховъ и пр.

Въ Инстербургѣ въ томъ же «Dessauer Hof'ѣ», я засталъ всю компанію въ крайне встревоженномъ и подавленномъ состояніи. Прежде всего я явился къ командующему, котораго нашелъ за столомъ съ разложенными на немъ картами, которыя внимательно изучались генераломъ и окружавшими его нѣсколькими чинами штаба. Тутъ же находился уже въ новой роли исправлявшаго обязанности начальника штаба нашъ генералъ—квартирмейстеръ генералъ Б. Въ Инстенбургъ уже пришелъ отступившій штабъ 3-го корпуса, и я встрѣтилъ, проходя къ командующему, нѣсколько знакомыхъ—изъ состава этого штаба,—офицеровъ. Генералъ, прочитавъ врученную ему мною депешу, сказалъ: «поздно, это раньше надо было сдѣлать!». Оказалось, что депеша содержала сообщеніе высшаго командованія о высылкѣ подкрѣпленій. Но въ данное время—въ нихъ уже не было ни пользы, ни надобности. Между тѣмъ впереди все время слышалась канонада, значительно болѣе близкая чѣмъ въ прежніе дни. Въ 20—15 верстахъ шелъ съ боемъ отходъ четвертаго корпуса, на который, главнымъ образомъ, насѣдалъ противникъ. Было семь часовъ утра; всѣ толкались взадъ и впередъ,—угнетенные и уста-

више страшно. Кто гдѣ могъ примостился и дремать. Я тоже почувствовалъ слабость, вслѣдствіе ночи безъ сна и большого напряженія нервовъ. Хорошо, что въ буфетѣ нашлось двѣ рюмки мадеры, а штабъ третьяго корпуса организовалъ чай, кофе и даже основательные бутерброды. Подкрѣпился. Командующій приказалъ въ 10 часовъ утра начать, совмѣстно съ штабомъ третьяго корпуса отходить изъ Инстербурга, а до этого было предложено даже прилечь. Однако, было не до сна. Я вышелъ на крыльцо, а затѣмъ прошелъ на веранду гостиницы, гдѣ увидѣлъ генерала. Среди окружающихъ шли разговоры о томъ, что уже принялись топить нѣмецкіе снаряды, которыхъ въ городѣ были большіе запасы. Мнѣ пришла въ голову мысль о необходимости уничтожить, какъ провіантскіе магазины, такъ и склады каменнаго угля въ районѣ станціи. Я доложилъ объ этомъ генералу. «Не надо», отвѣтилъ онъ: «все это еще намъ пригодится». Ему, видно, не хотѣлось вѣрить въ печальную дѣйствительность! Не знаю, успѣли ли уничтожить все это отступавшія послѣ насъ части: отходъ былъ снѣжный подъ огнемъ ружейнымъ и пулеметнымъ изъ оконъ домовъ. Вотъ и еще иллюстрація отношенія жителей! Если не удалось—много я его получилъ противникъ, вступивъ въ Инстербургъ.

Въ 10 часовъ 30 минутъ утра 29 августа мы выступили оттуда. Первоначально генералъ сѣлъ въ экипажъ вмѣстѣ съ командиромъ 3-го корпуса, но затѣмъ, остановившись и вновь осмотрѣвъ за городомъ мѣсто взрыва бомбы, брошенной цепелиномъ въ расположеніе одного изъ нашихъ обозовъ, пошелъ пѣшкомъ. День былъ чудный, но солнце начинало сильно припекать, и къ тому же была невыносимая пыль. Поэтому мнѣ, бывшему съ ночи въ шинели и шведской курткѣ, и не успѣвшему переодѣться—да и не во что было—становилось крайне тяжело идти.

Послѣ изряднаго пути пѣшкомъ, когда ноги мои стали почти отказываться служить мнѣ, я получилъ приглашеніе, случайно оказавшись около командира 3-го корпуса, сѣсть къ нему въ экипажъ. Я, конечно, съ радостью согласился. Не помню, съ чего началась моя бесѣда съ генераломъ Е., котораго я зналъ еще правда весьма мало—по Вильнѣ. Понемногу перейдя на военныя темы, генералъ Е. увлекся и сталъ горячо осуждать недостатки личнаго состава арміи, особенно настаивая на фактѣ малой интеллигентности нижнихъ чиновъ и даже офицеровъ. Говорилъ, между прочимъ, что слишкомъ много механическаго отношенія къ работѣ и полный недочетъ въ сознаніи того, что происходитъ. Затѣмъ, послѣ моего замѣчанія, что я наблюдалъ и вынесъ впечатлѣніе крайняго несовершенства постановки во-

проса связи между отдѣльными воинскими частями, включительно такихъ крупныхъ величинъ, какъ арміи, генералъ Е. перешелъ на эту тему, причемъ указалъ примѣромъ, какъ печально разрѣшилось наступленіе арміи генерала Самсонова. Кромѣ того, въ подтвержденіе этого явленія генералъ Е. рассказалъ мнѣ о боѣ 4-го августа подъ Столупенемъ. Первый германскій корпусъ былъ тогда, по крайней мѣрѣ по его словамъ, совершенно обойденъ съ фланговъ; оставался тылъ, и, будь онъ закрытъ нашей, хотя бы самой незначительной частью, нѣмцы, неминуемо, очутились бы въ мѣшкѣ, и послѣдовала бы ихъ сдача. Узнавъ, что въ 20 верстахъ, въ сторонѣ отъ мѣста боя стоитъ конный отрядъ генерала Х. Н., генералъ Е. сообщилъ по искровому телеграфу, но было поздно, такъ какъ изъ полученнаго отвѣта явствовало, что отрядъ тѣмъ временемъ отошелъ еще на 20 верстъ. Дать знать по телеграфу въ мѣсто новаго расположенія не представилось возможнымъ за снятіемъ станціи. Такимъ образомъ, связь нарушилась, и нѣмцы, хотя и разбитые наголову, все же не были окружены. На этомъ разговоръ нашъ окончился.

Командующій сѣлъ въ автомобиль, и свита отправилась за нимъ. Дальнѣйшія впечатлѣнія были: отходящія, безконечныя обозы, все время задерживавшія насъ въ пути, и пыль, пыль безъ конца. Въ Гумбиненѣ произошла остановка. Говорили, что останемся здѣсь надолго; можетъ, переночуемъ даже. Но генералу подали депеши и, прочтя таковыя, онъ приказалъ двигаться дальше.

Мы прибыли въ Столупенъ въ 3 часа дня. Ночь здѣсь, въ тылу, прошла спокойно, хотя спали, принявъ всѣ мѣры предосторожности на случай появленія непріятельскихъ разбѣдовъ, которые, какъ говорили, уже пробрались довольно близко.

Согласно срочному распоряженію съ темнотой мы выступили изъ Вержолова. Почувствовалось тутъ уже совершенно ясно, что наши дѣла не важны. По пріѣздѣ разложили вещи по вагонамъ уже готоваго состава поѣзда командующаго и послѣ этого началось безцѣльное шатаніе отъ вокзала къ пути, на которомъ стоялъ нашъ поѣздъ, и обратно. Грядущее представлялось намъ покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Хотя паровозы стояли подъ парами—никто не зналъ, останемся ли мы здѣсь, или двинемся еще дальше. Ночью я получилъ распоряженіе отправиться въ районъ станціи и мѣстечка Вержолова, съ цѣлью указывать обозамъ, отходившимъ сюда, дальнѣйшіе пути слѣдованія. Исполнялъ я эту возложенную на меня работу до часу дня и, въ результатъ, совершенно потерялъ голову и способность передвигаться. Вначалѣ былъ ужасающій беспорядокъ. По-

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
✓ I. С. Р. Минцловъ. Дневникъ. 1905—1906 г.г.	5
II. А. Шметтъ. 1792 годъ. Перев. И. М. Хераскова.	80
III. М. А. Цявловскій. Разказы А. О. Смирновой въ записи Я. П. Полонскаго.	142
IV. Кн. В. М. Голицынъ. Московскій университетъ въ 60-хъ годахъ	173
V. В. Е. Евгеньевъ. Цензурная практика въ годы Крымской войны	241
✓ VI. В. Александровскій. Полвка среди духовенства.	279
VII. Л. Ф. Пантелъевъ. Къ матеріаламъ объ изданіи сочиненій Герцена.	293
VIII. П. А. Аккерманъ. Въ штабъ дивизіи.	298
IX. Критика и библиографія. В. Д. Федоровъ. Календарь русской революціи. Подъ общей редакціей В. Л. Бурцева. В. Н. Перцевъ, Н. Каръевъ. Исторія Западной Европы въ началѣ XX столѣтія. Н. И. Каръевъ, Б. А. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи социальныхъ наукъ и общей теоріи права. К. Н. Успенскій. Проф. Р. Вишеръ. Исторія Греціи въ классическую эпоху. М. М. Клевенскій. И. С. Тургеневъ. Поппъ. Поэма съ предисл. Н. Л. Бродскаго.	341
X. Указатель къ «Голосу Минувшаго» за 1916 г. (Составленъ В. Е. Сырофчиковскимъ).	358

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИИ И ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

XX $\frac{9a}{3}$

(Годъ изданія V)

*Свѣтлой памяти
В. И. Семеваго.*

XVIII - 1.

№ 11—12. НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ. 1917.

нятно,—дядьки нагружались постоянно огромнымъ количествомъ всякихъ склянокъ, банокъ, коробокъ съ патентованными средствами и ежеминутно являлись потомъ показывать запасы—предлагать, не пригодится ли что офицерамъ и разспрашивать—противъ чего средство, не поможетъ ли лошади? и т. п. Относительно же примѣненія нѣкоторыхъ изъ продуктовъ аптеки и парфюмеріи они считали себя вполне освѣдомленными и вотъ какого, между прочимъ, факта я лично былъ свидѣтелемъ. Проходя какъ-то, я увидѣлъ компанію солдатъ, усердно выжимавшихъ изъ металлическихъ тубинокъ на ломти хлѣба какую-то массу, намазывавшихъ ее, затѣмъ, на хлѣбъ, и съ аппетитомъ уничтожавшихъ такіе бутерброды, запивая ихъ чаемъ. Надо сказать, что холодные консервы въ тубикахъ, вслѣдствіе небольшихъ размѣровъ и удобства держать ихъ во время похода въ сумкахъ, были у насъ и въ полкахъ и въ штабѣ въ большомъ потребленіи. Мы ѣли такимъ образомъ на хлѣбѣ сыръ изъ дичи, сардины и т. д. Все это видѣли солдаты. Какъ разъ въ описываемое время въ этихъ консервахъ ощущался недостатокъ, почему я подошелъ къ солдатамъ спросить, гдѣ они ихъ достали. Трудно описать мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что въ тубикахъ—не питательные продукты, а разнообразный зубной кремъ. Я поспѣшилъ разъяснить это закусьавшимъ. Въ первый моментъ они какъ будто слегка сконфузились, но затѣмъ, весело возразивъ, что ничего—ѣсть можно, только что сладковато, продолжали, какъ ни въ чемъ не бывало, насыщаться оригинальнымъ блюдомъ. Категорическое заявленіе мое, что это можетъ оказаться вреднымъ для нихъ, кажется, также не привело ни къ чему. Были, однако же, случаи, когда такое легкомысленное потребленіе въ пищу всего, что попадется, приводило и къ печальнымъ результатамъ. Мнѣ рассказали какъ-то разъ фактъ массоваго отравленія (чуть ли не 60 человекъ, съ подавляющимъ числомъ смертельныхъ исходовъ.) Дѣло было такъ. Въ одномъ изъ нѣмецкихъ городковъ сталъ на стоянку пѣхотный полкъ. Солдаты отправились искать по опустѣлымъ торговымъ заведеніямъ чего нибудь, чѣмъ бы можно было попользоваться, и нашли булочную, съ немалымъ запасомъ лучшаго сорта муки. Рѣшили, разумѣется, полакомиться бѣлымъ хлѣбомъ, а такъ какъ въ каждой ротѣ цѣбуются искусники на всѣ руки,—нашелся и пекарь. Но вѣдь не ѣсть же постный хлѣбъ: надо бы чѣмъ-нибудь слобритъ тѣсто; поиски, на несчастье, и тутъ увѣнчались успѣхомъ. Въ той же булочной обнаружили изрядный кусокъ чего-то бѣлаго: на видъ какъ будто сахаръ—и на вкусъ оказался сладкимъ. На славу испекли хлѣбы, положивъ въ тѣсто найденный кусокъ сахару, и, въ ре-

зультатѣ, отравились въ большомъ числѣ. По разсѣдованіи оказалось, что это былъ мышьякъ, котораго запасъ для борьбы съ крысами также держалъ предусмотрительный булочникъ...

Послѣдующее время почти изгладилось изъ моей памяти; произошло это въ виду полнаго однообразія впечатлѣній нашей жизни въ этотъ періодъ. Бои шли все время, хотя перекинули насъ въ другой районъ, кажется, съвергѣе. Помню только, что не случилось ничего особо выдающагося. Условія же жизни были самыя неблагоприятныя. Погода стояла ужасающая: дожди, ливни безпрестанно, смѣнялись снѣгомъ, при пронизывающемъ, душу охлаждающемъ, вѣтрѣ; стоянки, въ большинствѣ, представлялись не отдыхомъ—не говорю уже о кратковременности, а мученіемъ. И это потому, что дома оказывались почти всегда безъ оконъ, печи не топились; наводило даже на мысль—не нарочно ли ихъ портили, уходя, нѣмцы; доставка пищевыхъ продуктовъ являлась крайне затруднительной, а перѣдко не хватало и фуража; люди и лошади жили въ голодѣ и холодѣ, да къ тому же истомились до крайности. Переходы были длиннѣйшіе, причемъ дивизію перекидывали, точно мячъ, съ мѣста на мѣсто. Наши неблагополучія еще усугублялись и тѣмъ, что наступилъ періодъ гололедицы, а подковы лошадей оставались лѣтними. Были переходы, положительно, по льду, сверху засыпаннаго тонкимъ слоемъ гонимаго вѣтромъ снѣга. Лошади скользили, падали; о быстрыхъ аллюрахъ нечего бывало и мечтать.

11 ноября дивизія стала въ Тракененѣ. Привелось увидѣть и второе излюбленное мѣсто кайзера—знаменитый конскій заводъ. Тракененъ произвелъ на меня впечатлѣніе прекрасно организованнаго имѣнія съ отличнѣйшимъ барскимъ домомъ. О постройкахъ, заводскихъ конюшняхъ говорить нечего. Это были образцы помѣщеній для лошадей, устроенныя по всѣмъ требованіямъ науки. Въ Тракененѣ жизнь текла также крайне однообразно. Высшее командованіе перемѣнилось уже давно. Генералъ Ренненкампфъ ушелъ на Варшавскій фронтъ, а къ намъ былъ назначенъ генералъ Сиверсъ.

Разъ коснувшись здѣсь личности генерала Ренненкампа, я не могу не возвратиться мыслями вспять, ко времени начала моей службы въ качествѣ его ординарца и не высказать нѣсколько сужденій, разумѣется, лишь съ субъективной точки зрѣнія и только въ сферѣ, мнѣ извѣстной, о причинахъ, отчасти, быть можетъ, повлекшихъ его паденіе. Среда офицерства войскъ Виленскаго округа, особенно кавалеріи (по крайней мѣрѣ очень и очень многіе), признавала высокій авторитетъ генерала Реннен-

кампа, и что у нижнихъ чиновъ онъ пользовался большою популярностью—это отрицать трудно. Были, конечно, и плохія отзывы; высказывалось недовольство, но, исходя изъ того начала, что только совершенное безличіе не даетъ почвы для дурныхъ сужденій—совершенство же нѣтъ—все худое, что было слышно о новомъ командующемъ, общество считало естественнымъ. Военныя сферы, помню, въ общемъ, съ радостью встрѣтили два вѣкорѣ одинъ за другимъ послѣдовавшихъ, факта, а именно назначеніе генерала Ренненкампа генераль-адъютантомъ, а затѣмъ и командующимъ войсками округа. Причина такого возвышенія была, какъ говорили, его прежняя военная слава, отмѣтившая его въ китайскомъ еще походѣ и въ минувшей японской кампаніи. Его считали великолѣпнымъ кавалеристомъ, да и знатокомъ дѣла вообще. Критиковали, конечно, и дѣйствія его на востокѣ; припомнили карательную экспедицію; осуждали въ немъ жестокость; приводили и другія черты, далекия отъ того, чтобы быть признанными положительными, но и тутъ отдавали ему дань, какъ исто боевому генералу. Особенно упирали на то, что на такой серьезный, отвѣтственный постъ былъ избранъ генераль не по протекціи, а для пользы дѣла, какъ прекрасно знакомый съ условіями края и боевой подготовкой мѣстныхъ войскъ и со стороны техники, и духа ихъ; радовались, наконецъ, что назначеніе состоялось исключительно по волѣ государя и вопреки желанію военнаго министра, который, будто бы, генерала Ренненкампа терпѣть не могъ вообще и, въ частности, завидовалъ его назначенію генераль-адъютантомъ. Раздавались даже голоса, что назначеніе генерала Ренненкампа командующимъ войсками пограничнаго съ Германіей округа—прямая угроза нѣмцамъ. Сначала все это говорилось, а затѣмъ, по вступленіи его въ должность, разговоры нашли себѣ подтвержденіе и въ прессѣ. То и дѣло приходилось читать въ газетахъ о постоянныхъ его выѣздахъ въ воинскія части по всему округу; были слухи о смотрахъ, тревогахъ, пробѣгахъ. Словомъ, работа, видимо, кипѣла. Я лично очень мало вращался въ военныхъ сферахъ, еще менѣе того зналъ генерала, почему всѣ свѣдѣнія о немъ черпалъ только изъ разговоровъ въ городѣ и рассказовъ офицеровъ, съ которыми иногда приходилось бесѣдовать. Но вотъ была объявлена война и, съ полнымъ восторгомъ, встрѣтили назначеніе генерала Ренненкампа командующимъ 1-й арміей. Когда же былъ пущенъ слухъ, что, и въ данномъ случаѣ ему старались создать препятствія, что высшую власть имѣвшіе дѣлали попытки вставлять ему палки въ колеса, въ частности, высказываясь за то, чтобы для пробы дать генералу Ренненкампу сначала корпусъ,—

стали слышаться негодующіе возгласы: «безобразіе; вотъ какъ цѣнить у насъ настоящихъ военныхъ; личная вражда и интриги погубить все дѣло; какъ не стыдно, въ такія минуты, сводя личные счеты, подкапываться подъ генерала Ренненкампа!» и т. д. Что же произошло затѣмъ и сравнительно спустя недолгое время послѣ періода нѣнія генералу Ренненкампу всевозможныхъ и разнообразнѣйшихъ хвалебныхъ гимновъ? Почему его слава почти сразу померкла, популярность испарилась, боевое обаяніе исчезло и панегирики смѣнились руганью и сплетнями, самыми черными, безпощадными, доходившими до какой-то истеричности? Началомъ было, разумѣется, первое отступленіе! Тотчасъ вслѣдъ за неудачами, въ Вильнѣ распространились толки ужаснаго характера: усматривалась связь между дѣйствіями генерала Ренненкампа и его нѣмецкимъ происхожденіемъ; между прочимъ указывали на то, что его родной братъ, будто, командуетъ однимъ изъ корпусовъ нѣмецкой арміи, дѣйствующей противъ нашей; ставили ему въ вину чудовищную корысть; жажду къ обогащенію, въ ущербъ дѣлу, разными темными путями; полное забвеніе принятой имъ на себя отвѣтственной задачи и заботу лишь о себѣ; наконецъ, любовь къ интригамъ и полное не только неумѣніе, но и нежеланіе окружать себя достойными людьми.

Одинъ генераль, человекъ, по-моему, большого и здраваго ума, сказалъ мнѣ какъ-то въ разговорѣ: «Я отдаю дань П. К., какъ исто военному человеку, но окружающіе портили ему всегда; вѣдь дружба его съ людьми, я знаю его давно, основывалась исключительно на началѣ: «женщины и вино».

И на этотъ разъ, хотя, казалось, въ виду серьезности момента, надлежало быть особенно осмотрительнымъ, выборъ генерала палъ на людей, оказавшихся далеко недостойными назначенія. Не говоря уже о томъ, что наиболѣе близкіе къ нему не имѣли, въ корень, ничего общаго съ военными началами и ничуть не стѣснялись въ проявленіи «штатскаго духа», тогда какъ имъ-то и слѣдовало болѣе всего подавать примѣръ дисциплины,—было смѣшно даже видѣть этихъ перевалившихъ далеко за 50-жильныхъ людей въ щеголеватыхъ одѣянняхъ, соответствовавшихъ невысокимъ ихъ чинамъ, вродѣ штабъ-ротмистровъ и даже корнетовъ. Первое, чего абсолютно недоставало у этихъ ближайшихъ совѣтниковъ генерала Ренненкампа,—это такта. Всѣ разговоры ихъ сводились къ тому, какъ они близки съ командующимъ, и прозрачно, между словъ, чувствовалось желаніе дать понять слушателямъ, что по прежнему времени, генераль имъ даже, какъ будто, и обязанъ. Отсутствие такта проявлялось не только въ крупнѣхъ

случаяхъ, хотя бы по отношенію къ штабу, включая даже, напр., совершенно неподлежащій тонъ по адресу начальника штаба арміи, но и въ мелочахъ жизни, на каждомъ шагѣ. Казалось иногда, что они не на службѣ, а участвуютъ въ увеселительной побѣдкѣ, прилагая всѣ усилія поразнообразить и сдѣлать возможно фривольнымъ времяпрепровожденіе. А что бывало въ тылу, какая заносчивость, какая манера себя держать! Второе, чѣмъ бесспорно слѣдуетъ отмѣтить дѣятельность друзей генерала,—было ихъ постоянное занятіе интригами. Атмосфера штаба сдѣлалась, благодаря этому, просто невыносимой. Несомнѣнно, что это чувствовалось всѣми, кто находился въ штабѣ при дѣлѣ или, по крайней мѣрѣ, старался работать. Несомнѣнно также, что для всѣхъ людей, пришедшихъ туда съ благими nambrениями, такая обстановка представлялась крайне тяжелой.

Утромъ 24-го ноября, дивизія выступила на Пилькаленъ.

Начались безконечные переходы съ боями, сопровождаемые всѣми лишеніями, которыя только можно себѣ представить: постояннымъ холодомъ, голодомъ и усталостью. Спали почти исключительно вповалку на полу, на тощихъ подстилкахъ изъ соломы; о существованіи обозовъ, косякъ, возможности мѣнять бѣлье—пришло забыть; ѣли, что попадетъ, преимущественно свинину, а сплошь и рядомъ были дни, когда сидѣли на холодныхъ консервахъ и только чаемъ согрѣвались, кипятя воду въ такихъ ведрахъ, какія, обычно, я не поставилъ бы у себя и въ качествахъ грязныхъ. Насѣкомыя разныхъ видовъ ѣли насъ зато систематически и съ аппетитомъ. Словомъ, жилось скверно: дороги удручали тяжестью; мѣста проходили низменные; сырость стояла пронизывающая, и въ этомъ царствѣ лѣсовъ погода не была иной, какъ омерзительной.

28 ноября выпала тяжелая ночь. Благодаря бездорожью (въ этой мѣстности проселки ничуть не уступали нашимъ, представляя изъ себя глинистое мѣсиво, на аршинъ глубины, причѣмъ глина была какая-то особенная—въздливая, тормозившая шагъ лошадей и ходъ колесъ), застряла батарея. Нѣмцы между тѣмъ сильно шевелились. Генераль страшно беспокоился, какъ-бы не развилось наступленіе, потому что тогда съ пушками пришлось бы проститься. Лошади положительно отказывались итти, ложились. И, что самое обидное,—все это происходило въ разстояніи версты полуторы отъ шоссе. Когда я проѣзжалъ уже утромъ по шоссе, мимо стоявшихъ батарей, лошади всѣ поголовно лежали: утомились ужъ очень, бѣдныя, берегли себя, набирались силъ на предстоящій переходъ. Ушли мы подъ выстрѣлами

нѣмцевъ, къ утру начавшихъ наступать весьма энергично. Единственное, что имъ мѣшало, а насъ, въ сущности, спасло отъ многихъ бѣдъ,—это былъ густо нависшій туманъ, подъ прикрытіемъ котораго мы успѣли отойти, безъ всякаго урона и въ полномъ порядкѣ. Выступивъ въ 6 часовъ утра, дивизія, лишь послѣ четырехъ часовъ дня, пришла въ мѣстечко Шамейткемень. Переходъ послѣ безсонной ночи показался невѣроятно утомительнымъ, почему, почувствовавъ себя подъ кровлей, мы всѣ единодушно и тотчасъ же прониклись однимъ стремленіемъ скорѣе отдохнуть. Однако и голодъ давалъ себя знать. Пока приводили въ порядокъ и чистили обширный домъ пригородной усадьбы, которую занялъ штабъ, пока разложились обозы, а въ кухнѣ, послѣ предварительной уборки изъ нея огромной кучи всякой грязи и мусора, затрещалъ огонь,—прошло много времени, но все-таки мало было надежды на скорое полученіе обѣда. Узнавъ отъ повара, что раньше какъ часа черезъ три ѣсть не дадутъ,—мы, съ однимъ изъ офицеровъ рѣшили устроиться самостоятельно. Особенно облазилъ насъ видъ спальни ординарцевъ, гдѣ денщики затопили печь, разставляли наши койки, приспособляли спальныя мѣшки, выносили ненужную мебель и т. п. Хотя было тѣсно, какъ въ ночлежкѣ, но манила перспектива раздѣться, переодѣнуться бѣлье и дать усталому тѣлу возможность свободно вытянуться. Въ то время, какъ мы наводили на кухнѣ нужныя справки, тамъ вертѣлся одинъ изъ казаковъ конвоя. Зная, по опыту, особое умѣніе казаковъ тотчасъ же приспособиться, ихъ расторопность и хозяйственность, мы обратились къ донцу съ просьбой, по возможности скорѣе, насъ накормить. Онъ обѣщалъ угостить черезъ двадцать минутъ супомъ, который-де, уже варится. По прошествіи указанного срока, онъ аккуратнѣйше появился въ кухнѣ, гдѣ мы нетерпѣливо его поджидали, и принѣсъ супъ. Но каково было наше разочарованіе, когда мы разсмотрѣли посудину: нашей миской оказалась, правда очень изящная и по формѣ и по виду—голубая съ бѣлыми цвѣточками—ночная ваза. На наше заявленіе, что мы изъ нея супа никакъ даже не попробуемъ, казакъ спокойно возразилъ: «Такъ что онъ чистый!» «Да почему же ты думаешь?» «Я его на дворъ взялъ!» Надо сказать, что масса мелочей домашняго обихода и цѣлыхъ, но, въ огромномъ большинствѣ, разбитыхъ и поломанныхъ, валялась и во дворѣ и въ саду за домомъ: тутъ были и вазы для цвѣтовъ, и разные кувшинчики, блюда и тарелки изъ кухни, и игрушки, даже дѣтская коляска, у которой изъ колесъ сохранилось въ цѣлости только одно, и стулья, и палочки, и книги—ну, словомъ, все, что угодно. Надо думать, что, на одномъ изъ такихъ складовъ